БИОЛОГИЧЕСКИЕ И КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ЯЗЫКА

УДК 81-13

ЯЗЫК И ПРИРОДА ЧЕЛОВЕЧНОСТИ (ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ)

А. В. Кравченко

Байкальский государственный университет,
Россия, 664003, Иркутск, ул. Ленина, 11
Поступила в редакцию 10.11.2021 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-1

Статья предлагает задуматься над тем, что мешает дальнейшему развитию науки о языке вследствие неадекватности общей методологии в исследованиях языка, эпистемологическую основу которой составляет дуалистичная философия объективного реализма. Приводятся доводы о необходимости перехода к новой, конструктивистской эпистемологии, способной вывести науку о языке из кризиса, придав импульс ее развитию. Для этого необходимо отказаться от традиционного взгляда на язык как объект, используемый в инструментальной функции, для выражения и передачи мыслей, применив системный подход к языковому семиозису как биологической адаптации, лежащей в основе организации человека как живой системы – и на уровне индивида, и на уровне общества. Когнитивная динамика человека как живой системы – это адаптивное интерактивное поведение в реляционной области языковых взаимодействий, образующих уникальную экологическую нишу человека как части системы «организм-среда». Именно в этой нише формируется и развивается человеческий интеллект как разумная способность: наша человечность покоится в языке как созидающем начале мира, в котором мы существуем как языковые организмы.

Ключевые слова: *дуализм, реализм, конструктивизм, языковой семиозис, живая система, познание, экологическая ниша, интеллект*

1. Введение

Научный прогресс предполагает динамичный процесс развития научной дисциплины, проходящий определенные этапы: ДОПАРАДИГМАЛЬНЫЙ (предшествующий установлению парадигмы), ГОСПОДСТВА ПАРАДИГМЫ (так называемая нормальная наука), КРИЗИСА НОРМАЛЬНОЙ НАУКИ и, наконец, НАУЧНОЙ РЕВОЛЮЦИИ (смена парадигмы, формирование новой парадигмы) (Kuhn, 1962). Научная парадигма задает модель, по которой учеными формулируются проблемы и предлагаются способы их решения. В первую очередь определяются объект исследования, подлежащий наблюдению и изучению, и те вопросы, на которые исследование должно дать ответы, тем самым накапливая научное знание.

© Кравченко А. В., 2022

Научное знание — это знание, основанное на общности установок, характеризующих «нормальную науку» как исследование, опирающееся на одно или несколько прошлых научных достижений. Общность используемых исследователями установок составляет научную парадигму «нормальной науки», а «нормальная наука» часто подавляет новшества. Достаточно вспомнить, с каким трудом коперниковская модель мироздания вытесняла птолемеевскую модель или как в свое время поднималась на смех сама идея о том, что аппараты тяжелее воздуха способны летать. Очень важно помнить, что «нормальная наука» опирается именно на прошлые достижения, и языкознание, давно став заложником традиции, здесь не исключение (Кравченко, 2009; 2013а). Как отмечал А.Е. Кибрик, «история развития лингвистической теории свидетельствует, что ее носители преимущественно существуют в мире заблуждений, и трудно сказать, чего больше в исследовательском процессе: формирования новых обобщений о свойствах объекта или разоблачения квазиистинных утверждений» (2005, с. 37).

Тот факт, что когнитивная наука главного направления (так называемого мейнстрима) вообще и когнитивная лингвистика в частности находятся в рационалистическом плену картезианского дуализма (Damasio, 1994), препятствует формированию по-настоящему научного понимания языка как отличительной черты биологического вида Homo sapiens. Такое понимание, знаменующее начало смены научной парадигмы в области гуманитарного знания, характерно для новой эпистемологии, интегрирующей идеи биологии познания и языка (Maturana, 1970; 1978), энактивизма (Varela, Thompson, Rosch, 1991; Stewart, Gapenne, Di Paolo, 2011) и радикального конструктивизма (Foerster, 1972; Glasersfeld, 1995). В рамках этой эпистемологии научное изучение языка необходимо начинать с ответа на вопрос о том, что такое языковой семиозис с точки зрения биологической организации человека как живой (когнитивной) системы.

Два десятилетия назад я поставил вопрос о методологической целесообразности новой эпистемологии в когнитивных исследованиях языка (Кравченко, 2001) и в дальнейшем не раз возвращался к нему в попытках привлечь внимание научной общественности к клубку противоречий, пронизывающих исходные познавательные установки когнитивной лингвистики как части когнитивного проекта в целом (Kravchenko, 2006; 2008; 2009а; 2011; Кравченко, 2007; 2013б; 2013в; 2015а; 2015б; 2016; 2021). Понимая, что сила инерции в науке, особенно гуманитарной, велика и нужно время, чтобы привычный (традиционный) способ мышления в исследовании феномена человечности уступил место новому, более адекватному взгляду на природу языка и других когнитивных способностей вида Homo sapiens, я не оставляю надежды пробудить у коллег интерес к критическому обсуждению и переосмыслению теоретического багажа, накопленного наукой о языке, с целью придать ей новый импульс и помочь выйти из того состояния глубокого кризиса, в котором языкознание пребывает уже длительное время (Кошелев, 2013). Ниже в кратком виде приводятся соображения о том,

где, на мой взгляд, кроются корни эпистемологической неадекватности общепринятых воззрений на язык, познание и сознание. Эти соображения можно рассматривать как приглашение к дискуссии о путях дальнейшего развития не только науки о языке, но и гуманитарных наук в целом.

2. «Родимое пятно» дуализма

Находясь под сильным влиянием предложенного Соссюром (Saussure, 1916) понятия языкового знака как немотивированного, конвенционального двустороннего единства материальной формы и идеального содержания, европейская семиотика как наука о процессах, в которых участвуют знаки (или наука о семиозисе), традиционно фокусировала внимание на проблеме значения, передаваемого в коммуникации знаками — наличествующими в текущем восприятии объектами, качествами или событиями как индикаторами чего-то, что может отсутствовать и быть недоступным восприятию. Для Соссюра и его последователей язык был парадигмальным образцом знаков, организованных в систему и используемых для передачи значений в коммуникации — неудивительно, что за прошедшее столетие утвердился взгляд на языковые знаки как главным образом интенциональные продукты разумных организмов (людей) или артефакты, функция которых заключается в репрезентации фрагментов действительности. Будучи репрезентированы посредством знаков, эти фрагменты становятся «информацией» о действительности («объективном мире»), которой люди обмениваются в процессе коммуникации.

Рассматриваемая под таким углом зрения, структуралистская семиология продолжает идущую от Декарта дуалистическую традицию, заключающуюся в противопоставлении человека как интенционального субъекта, выделяемого из окружающего его мира, самому этому миру, который тем самым превращается в независимый мир объектов, вещей и событий, включая и сам язык как средство коммуникации. Язык становится частью «объективной действительности», а лингвисты продолжают искать критерии, по которым можно было бы определить значение различных типов слов, тоже находящихся «где-то там». Такой взгляд характерен для философского реализма, основанного на вере в то, что объекты существуют в действительности независимо от того, что мы, интенциональные субъекты, думаем о них, а также в то, что задача «настоящей» науки состоит в изучении этих «объектов» и раскрытии универсальных истин о независимо существующем мире, которые затем «выражаются» в языке (см. остроумную критику понимаемой таким образом науки в статье (Cooke, 2016)).

Многочисленные разновидности реализма объединяет идея о том, что «реальная действительность» (имеющееся положение вещей в мире объектов) существует независимо от наблюдателя с его верованиями, языковыми привычками, концептуальными схемами и т. п., то есть что она не является плодом воображения или предположения (Button,

2013). Другими словами, объективные реалисты прибегают к способу рассуждения «с точки зрения Бога» (Putnam, 1981, с. 49). Например, наивный реализм основан на убеждении, что наши органы чувств позволяют нам напрямую знать о существовании объектов как они есть и что свойства этих объектов не зависят от того, являются они объектами наблюдения или нет. При таком подходе все то, что мы знаем об объектах в мире и их свойствах, также предстает как независящее от субъекта познания.

В противоположность реалистам радикальные конструктивисты исходят из того, что знание не дается нам через восприятие посредством органов чувств. Скорее, оно конструируется в ходе языковых взаимодействий между людьми как структурно детерминированными организмами[2] в консенсуальной области: «То, что мы обычно называем "действительностью", представляет собой не имеющий конца результат консенсуальных процессов, зависящих от наблюдателя» (Kenny, 1997, p. 111; перевод мой. — *А. К.*). Эти консенсуальные процессы определяют социальный характер и ориентирующую природу языка как координации координаций поведения, которое зависит от предоставляемых средой возможностей в виде описаний, производимых нами в языке: языковое поведение как часть динамической системы «организм-среда», налагает ограничения на наше интерактивное поведение как когнитивных систем в консенсуальной области.

Реалисты, взявшие на вооружение кодовую модель языка (Kravchenko, 2007), могут утверждать, что индивидам свойственна «автономность в целенаправленном конструировании собственных личных значений по своему усмотрению» (Cariani, 2020, p. 158; перевод мой. — *А. К.*) — и это как раз то, что делал Шалтай-Болтай в своем известном споре с Алисой: «Когда я использую слово… оно означает именно то, что *я* выбрал для его значения — ни больше, ни меньше». Однако использование философии языка в духе Шалтая-Болтая не может служить руководящим принципом в научных исследованиях. Если бы этот принцип стал применяться в социальных взаимодействиях, определяющих человеческую практику, произносимые людьми в их диалогических взаимодействиях слова утратили бы способность налагать определенные ограничения на наше координированное поведение как живых систем, поддерживая неразрывную связь между языком и жизнью человека, существующего в языке (Di Paolo, Cuffari, De Jaegher, 2018). Именно потому, что такая философия языка прочно вошла в практику многих гуманитарных (в отличие от естественных) наук, им часто отказывают в статусе настоящих наук, и лингвистика в этом смысле не является исключе-

[2] Структурно детерминированная система — это система, «в которой и с которой все, что происходит, есть следствие ее структурной динамики, и в которой ничто, являющееся внешним по отношению к ней, не может специфицировать происходящие в ней процессы, но может только провоцировать изменения в ее структуре, детерминированные ее структурой» (Maturana, 2000, p. 461; перевод мой. — *А. К.*).

нием: «Несмотря на всю техническую терминологию, лингвистика — не наука. Остается сожалеть, что сама дисциплина не имеет другого названия» (Finch, 2003, p. 1; перевод мой. — *А. К.*).

3. Язык и разум

Реалисты подходят к свойству разумности (сознанию) как к данности, определяющей человека в качестве биологического вида, чего-то предопределенного биологически, на генетическом уровне (Pinker, 1995). Такой подход является неизбежным следствием инструменталистского взгляда на язык как «средство для упаковки мыслей» (Evans, 2015, с. 3), порождая проблему соотношения языка и сознания (Kravchenko, 2009б), которую когнитивная наука мейнстрима решить не в состоянии. Как показывают многочисленные примеры так называемых диких детей, подробно описанные в литературе (см., напр., (Curtiss, 1977)), наша способность становиться разумными существами в полном смысле этого слова не столько предопределена, сколько представляет собой потенциальную предрасположенность: исключение ребенка из языковой среды на раннем этапе развития на длительный срок, включая «критический возраст» полового созревания, приводит к тому, что даже при возвращении в человеческое общество такой ребенок не способен стать его полностью функциональным членом, не достигая необходимого для этого уровня интеллектуального развития. Естественно, возникает вопрос о том, почему этого не происходит, если разумность является врожденным свойством, и какую роль языковая среда играет в когнитивном развитии человека.

Эту роль хорошо понимал М. Хайдеггер, назвавший язык «домом нашего бытия». Однако это тот дом, за пределы которого мы не можем выйти, даже если бы захотели. Язык интерпретативно конечен — нет ничего, кроме языка, с помощью чего мы могли бы говорить о языке: его невозможно рассматривать, обсуждать или анализировать из пункта наблюдения, находящегося вне пределов самого языка (Love, 2007). Другими словами, мы находимся в эпистемологической ловушке языка, и это обстоятельство ускользает от внимания реалистов, рассуждающих о мире в терминах «объективной реальности» и, соответственно, о «модусах реальности», представленных в высказывании или тексте (Глазков, 2018). Чтобы вырваться из этой ловушки, необходимо совершить концептуальный прыжок от «независящей от наблюдателя действительности» к «зависящей от наблюдателя действительности» (Maturana, 1985, p. 311). Мы конструируем «объективную реальность» в когнитивной области языка как интерактивного поведения, являющегося описанием наших взаимодействий с миром, не осознавая при этом, что «реальность, понимаемая как вселенная, состоящая из независимых сущностей, о которых мы можем вести речь, — это по необходимости фикция, принадлежащая чисто *описательной* области, и что фактически понятие реальности мы должны применять по отношению именно к

этой области *описаний*, в которой мы как *описывающая* система взаимодействуем с нашими описаниями, как если бы они были независимыми сущностями» (Maturana, 1970, p. 24; перевод Е. А. Мешанина).

Человеческая разумная способность не является неким качеством, присущим мозгу: нервная система расширяет когнитивную область живой системы, делая возможными взаимодействия с «чистыми отношениями», но она не порождает когниции (Maturana, 1970). В нервной системе нет такой вещи, как «сознание», а «самосознание суть образ жизни с другими в реляционной области, образуемой языковой деятельностью, и как таковое возникает при участии нервной системы, вовлеченной в порождение поведенческой реляционной динамики организма-среды» (Maturana, Mpodozis, Letelier, 1995, p. 15; перевод мой. — *А. К.*). От когниции других животных человеческую когницию отличает наша языковая способность, или способность к абстракции первого порядка, — принятию в расчет при своих адаптивных взаимодействиях со средой и другими людьми того, что не дано в непосредственном восприятии; именно эту связь языка с восприятием подчеркивал в свое время Ч. Моррис (Morris, 1938). Операции над абстракциями первого порядка создают биологическую (нейрофизиологическую) основу для абстрактного мышления как взаимодействий с «чистыми отношениями». Эта способность радикальным образом усиливается с появлением письма как операций над абстракциями второго порядка: данная в восприятии графическая репрезентация слова должна быть соотнесена с отсутствующим в текущем восприятии «живым» словом как знаком, указывающим, благодаря имеющемуся у читателя опыту говорящего-наблюдателя, на нечто, отсутствующее в потенциальной ситуации диалогического взаимодействия.

Овладение навыками чтения, а затем и письма — важный шаг в когнитивном развитии индивида. По мере своего формирования и устойчивого закрепления эти навыки позволяют человеческой памяти избавляться от непомерного когнитивного груза, вызванного необходимостью поддерживать в состоянии постоянной активности обеспечивающие ее нейронные ансамбли. Этот груз человек «сбрасывает» на материальные артефакты, с которыми в дальнейшем может взаимодействовать его собственное когнитивное «Я». Благодаря таким взаимодействиям, представляющим собой новое средство конструирования мыслительных процессов, когнитивные способности человека радикально преображаются. Письмо перестает быть просто инструментом для мысли (Nickerson, Perkins, Smith, 1985), оно становится *способом мышления* (Menary, 2007). Когнитивная динамика чтения и письма преображает язык как когнитивную область взаимодействий; в результате возникает новый способ мышления, основанный на опыте интерпретации письменных знаков как абстрактных символов. Абстрактное мышление и манипулирование символами специфицируют человеческую культуру как реляционную область, которой нет у других животных, неспособных к языковому семиозису.

Отождествление функции языка — интерактивного диалогического поведения в консенсуальной области — с коммуникацией ведет к тому, что язык начинает рассматриваться как коммуникация, а коммуникация — как язык. Как только это происходит и именно потому, что коммуникация как интерактивное поведение не является исключительно человеческой способностью, в окололингвистическом научном дискурсе появляется и начинает циркулировать понятие «язык животных» и утверждается «языковая метафора жизни» (Cowley, Markoš, 2019). Приверженцы этой метафоры видят связь между языком-как-коммуникацией и жизнью вообще и говорят о возможности изучения межвидового участия в такой коммуникации в частности (например, общение с помощью языка между человеком и шимпанзе, человеком и собакой и т. п.). Другими словами, в определенных (и отнюдь не малочисленных) научных кругах бытует мнение, что человек — не единственный биологический вид, оперирующий символами.

Как уже было сказано, я не ставлю под сомнение неразрывность связи между человеческой жизнью и языком. Напротив, я рассматриваю язык как биологически функциональное поведение, уникальным образом характеризующее экологическую нишу[3] человека, этим поведением образуемую (Kravchenko, 2016). Как подчеркивал в свое время В. Вернадский, «человек, как и все живое, не является самодовлеющим, независимым от окружающей среды природным объектом. Однако даже ученые-натуралисты в наше время, противопоставляя человека и живой организм вообще среде их жизни, очень нередко этого не учитывают. Но неразрывность живого организма с окружающей средой не может сейчас возбуждать сомнений у современного натуралиста» (Вернадский, 1989, с. 180). Вместе с тем я отношусь крайне скептически к разговорам о возможности участия в языковых взаимодействиях представителей разных биологических видов и, соответственно, к разговорам о каких бы то ни было гипотетических последствиях такой возможности.

Существует обширная литература, в которой описываются эксперименты по выявлению у различных видов животных когнитивных способностей, сопоставимых с когнитивными способностями человека. Широкую известность получили исследования, проводившиеся с карликовым шимпанзе по имени Канзи (Savage-Rumbaugh, Lewin, 1994), серым попугаем по имени Алекс (Pepperberg, 2002), бордер-колли по имени Чейзер (Pilley, Hinzmann, 2013) и др., которые в результате длительных тренировок научались «понимать» работавших с ними исследователей, а в случае с Алексом даже «говорить». Это позволяет некоторым ученым утверждать, что мозг животного способен мыслить символами (то есть абстрактно) и пользоваться языком — при условии, что с раннего возраста им уделяют много внимания, как это делают родители в отношении своих детей (Cariani, 2020).

Однако успехи этих и других должным образом натренированных животных в общении с людьми вряд ли можно всерьез рассматривать

[3] Под «нишей» в данном случае подразумевается не столько **где** живет человек говорящий, Homo loquens, сколько **как** он живет, то есть речь идет о способе его существования (Gibson, 1979).

как свидетельство человекоподобных умственных способностей. Безусловно, это высокоорганизованные животные, обнаруживающие системную когницию высокого уровня, но, хотя у них довольно развитый мозг, они не могут говорить: они лишены дара речи. Сама же идея, что другие виды животных, помимо человека, способны к абстрактному мышлению, уходит своими корнями в распространенное мнение, поддерживаемое когнитивной наукой мейнстрима, что сознание и язык — это отдельные феномены, явления, так сказать, разного порядка. Это заблуждение проистекает из нежелания или неспособности применить системный подход к языку как биологическому адаптивному механизму, этому решающему фактору в развитии нашего вида как в фило-, так и в онтогенезе: «Случайности эволюции, приведшие человека к созданию разговорного языка… являются человекоспецифичными» (Maturana, 1978, p. 13; перевод мой. — *А. К.*). Языковой семиозис, лежащий в основании языка как видоспецифичного поведения человека — это тот биологический фундамент, на котором зиждется наша человечность в мире живого. Мы — языковые организмы (Jennings, Thompson, 2012), и мы становимся языковыми существами и живем в этом качестве в реляционной области языковых взаимодействий с другими и с самим собой. Реляционная область языка — это то, что отличает системное (когнитивное) поведение человеческого общества как живой системы от других живых систем (Bunnell, 2020). Язык делает нас экологически особенными (Ross, 2007).

При системном подходе язык в обоих своих измерениях — как кооперативная адаптивная деятельность (диалогическая речь) и как эволюционный артефакт (письмо) — предстает биосоциокультурной средой, решающим образом определяющей развитие человека. Поскольку человек — социальное существо, когнитивное развитие индивида невозможно вне общества как живой системы более высокого порядка, а единство этой системы поддерживается языковыми взаимодействиями между отдельными особями как компонентами этой системы; эти взаимодействия интегрированы в когнитивные процессы, протекающие в отдельных организмах (Schilhab, 2015). Образуя реляционную область, в которой индивиды и общество развиваются как когнитивные системы, языковые взаимодействия в экспериенциально различных областях речи и письма (Kravchenko, 2009в) становятся той главной чертой, которая определяет человека говорящего как совершенно особый биологический вид (Fry, 1977). Системный подход к человеку как живому организму основан на понимании того, что язык — это *биологически, социально и экологически регулируемое интерактивное поведение как способ существования, эволюционно обусловливающий появление и развитие человеческого интеллекта.*

4. Человек и мир

В рамках биологического подхода к когниции человеческое общество представляет собой живую систему третьего порядка; эта система состоит из отдельных особей как живых систем второго порядка

(Kravchenko, 2014), которые развиваются и существуют в когнитивной области языка — конструируемой ими самими нише (Sinha, 2015). Развитие и существование обоих видов систем взаимно детерминируется в реляционной (семиотической) области координаций интерактивного поведения — языковых взаимодействий, а «эволюция живых систем — это эволюция ниш единств взаимодействий, определяемых самореферентной круговой организацией этих единств, следовательно, это эволюция когнитивных областей» (Maturana, 1970, p. 4; перевод Ю. Е. Мешанина). Именно в этой области мы эволюционируем как наблюдатели, способные проводить в языке различия между наблюдаемым, нишей и окружающей средой, конструируя то, что мы называем «миром».

Чтобы понять мир, необходимо понять языковой семиозис как биологически функциональный процесс — ведь именно благодаря ему мы представляем собой уникальный биологический вид, Homo sapiens. Это невозможно сделать в рамках традиционной соссюровской семиологии, но становится возможным, если интегрировать научную семиотику Ч. Пирса с биологией языка У. Матураны и эпистемологией радикального конструктивизма. Такая интеграция открывает путь к синтезу идей из разных научных областей, связанных с исследованием природы и функции языка как способности, характеризующей человека как живую систему. А концептуальный синтез — это как раз то, чего так не хватает гуманитарным наукам, находящимся под гипнозом аналитической философии. Для этой философии характерен подход к изучению естественного языка, основанный на разработке сложных процедур анализа в терминах формальной логики и математики, применяемых к языковым формам как средствам выражения различных типов значения, равно как и к условиям, необходимым и достаточным для того, чтобы языковые выражения о чем-то были истинными или ложными. Цель аналитической философии — обнаружить то, что является «истинным», а не дать полезный рецепт того, как прожить свою собственную жизнь (Soames, 2003).

Природу языка как жизненной деятельности человека нельзя понять, используя формальный подход, поскольку при таком подходе не принимаются в расчет экологические, экспериенциальные, поведенческие, перцептуальные и когнитивные измерения интерактивного поведения человека (Raimondi, 2019). Упуская из виду тот факт, что люди относятся к определенному биологическому виду и что отличающие их от других видов характерные особенности необходимо объяснять с точки зрения биологии как «матери всего многообразия» (Givón, 2009), лингвисты-реалисты продолжают изобретать, разрабатывать и предлагать новые теории языка как более близкие к «истине», чем уже существующие теории. Однако смысл жизни состоит не в том, чтобы выяснить, является нечто истинным или ложным, особенно учитывая тот факт, что понятие истины (в корреспондентной теории истины) как того, что соответствует факту или действительности, — как и всякое другое понятие, включая и само понятие «понятие», — представляет собой продукт интерпретации наблюдателем собственного переживае-

мого опыта в языке как семиотической деятельности, образующей когнитивную нишу человека. И сам процесс языкового семиозиса, и языковые знаки как проявления этого процесса непрерывно порождают, поддерживают и усложняют специфическую нишу, которую формируют и занимают человеческие организмы. Эту нишу можно рассматривать как набор аффордансов (Gibson, 1979) — возможностей, предоставляемых человеку реляционной областью языковых взаимодействий как той динамичной средой, в которой человек действует значимо для себя и других. В зависимости от того, какой ориентирующий эффект эти возможности оказывают на способность живой системы поддерживать свою целостность как единства взаимодействий, они приобретают ценность, которая может быть положительной, нейтральной или отрицательной. Эти ценности, в свою очередь, начинают выступать в роли ограничений, налагаемых на когнитивную динамику человеческого организма в его возможных взаимодействиях с собой и другими в реляционной области языка. Так языковые паттерны (вокализации) и модели языкового поведения становятся ценностными ориентирами, задавая экзистенциональные векторы в когнитивном развитии человека и общества.

В то время как семиозис лежит в основании жизни в целом (Kull, 2007), языковой семиозис — это то, что находится в основании человечности (Kravchenko, 2020б; 2021). Невозможно понять природу человеческой когниции вне и без языкового семиозиса как эволюционного истока разумности. Понимание этого чрезвычайно важно не только для междисциплинарного проекта когнитивной науки, но и для широкого спектра устоявшихся областей институционализированной общественной практики, в первую очередь образования.

Катастрофическая ситуация, которая сегодня сложилась в образовании в развитых странах (Kravchenko, Payunena, 2017), во многом вызвана тем, что общество (а точнее, та его часть, которая профессионально занимается изучением различных аспектов феномена человека, то есть академическое сообщество гуманитариев) никак не может уйти от кодовой модели языка и философского дуализма в попытках ответить на главные эпистемологические вопросы: что такое знание, что такое познание (когниция) и что такое человек познающий (Homo cogitans). Из поколения в поколение передается искаженный взгляд на природу языка и его роль в эволюционном развитии человека; в результате игнорируется неразрывная связь между языком и жизнью — как на уровне индивида, так и на уровне общества, что приводит ко многим негативным последствиям не только локального, но и глобального характера. Это происходит потому, что, будучи экологически особенным, человек оказывается не готовым признать свою ответственность за благополучие мира живого в целом (Кравченко, 2019).

Противопоставление человека (как субъекта познания) миру (как не зависящему от человека объекту познания) порождает потребительское отношение к миру, в котором все со всем взаимосвязано. В неуемном стремлении приспособить мир под свои сиюминутные нужды, изменяя

и преображая его множеством изобретательных способов, человек не хочет задуматься над тем, какие обязательства перед миром накладывает на него статус «царя природы», равно как и над тем, благодаря чему он оказался на этом «троне». Человек не хочет познать самого себя — точнее, он не в состоянии этого сделать до тех пор, пока не поймет свое место и роль в мире живого. Чтобы понять человека как живое существо, отличное от всех других известных животных, необходимо осознать, что делают люди и почему они это делают как живые системы (Mitchell, 2017, p. 6), являющиеся компонентами живых систем более высокого уровня организации — человеческих сообществ. Мы познаем себя лишь тогда, когда сможем объяснить, что такое язык и что он делает с нами и для нас как для социально организованного биологического вида — неотделимой части мира, в котором мы не только существуем, но который мы буквально созидаем силой нашего Логоса, потому что *в начале было Слово*.

Список литературы

Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М., 1989.

Глазков А.В. Модус реальности: определение, таксономия, признаки // Преподаватель XXI век. 2018. № 3-2. С. 315—332.

Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб., 2005.

Кошелев А.Д. Современная теоретическая лингвистика как вавилонская башня (о «мирном» сосуществовании множества несовместимых теорий языка) // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2013. Т. 72, № 6. С. 3—22.

Кравченко А. В. Когнитивная лингвистика и новая эпистемология (к вопросу об идеальном проекте языкознания) // Известия АН. Сер. литературы и языка. 2001. Т. 60, № 5. С. 3—13.

Кравченко А.В. Проблема метода в когнитивной науке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 28—35.

Кравченко А.В. О традициях, языкознании и когнитивном подходе // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство : сб. ст. в честь Е.С. Кубряковой / отв. ред. Н.К. Рябцева. М., 2009. С. 51—65.

Кравченко А.В. К обоснованию идеального проекта лингвистики: интеграция языка, семиотики и биологии // Гуманитарные чтения РГГУ — 2012 : сб. матер. / отв. ред. Е.И. Пивовар. М., 2013а. С. 285—294.

Кравченко А.В. Биологическая реальность языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013б. № 1. С. 55—63.

Кравченко А.В. От языкового мифа к биологической реальности: переосмысляя познавательные установки языкознания. М., 2013в.

Кравченко А.В. Объективный реализм и биология познания: эпистемологический поворот // Гуманитарные чтения РГГУ — 2014 : сб. матер. / отв. ред. Е.И. Пивовар. М., 2015а. С. 697—709.

Кравченко А.В. О предметной области языкознания // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика : сб. ст. / сост. А.А. Кибрик, А.Д. Кошелев. М., 2015б. С. 155—172.

Кравченко А.В. Эпистемологическая ловушка языка // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 3 (41). С. 14—26.

Кравченко А.В. Язык и экология человека: от картезианской лингвистики к эколингвистике // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 4 (1). С. 20—31.

Кравченко А.В. Открывая язык заново: От нереалистичной лингвистики к реальной науке о языке. От структурализма и когнитивизма — к экологическому реализму (Новая повестка дня в языкознании). М., 2021.

Bunnell P. Reflections on languaging // Constructivist Foundations. 2020. Vol. 15, № 2. P. 152—155.

Button T. The limits of realism. Oxford, 2013.

Cariani P. In defense of biosemiotics // Constructivist Foundations. 2020. Vol. 15, № 2. P. 155—158.

Cooke M. The elephant in the room: Communication, chaos and the translation of truth // J. Richter, C. Zwischenberger, S. Kremmel, K.-H. Spitzl (eds.). (Neu-)Kompositionen. Aspekte transkultureller Wissenschaft. Berlin, 2016. P. 59—76.

Cowley S.J., Markoš A. Evolution, lineages and human language // Language Sciences. 2019. Vol. 71. P. 8—18.

Curtiss S. Genie: A psycholinguistic study of a modern-day «wild child». N. Y., 1977.

Damasio A. Descartes' error: Emotion, reason, and the human brain. N. Y., 1994.

Di Paolo E.A., Cuffari E.C., De Jaegher H. Linguistic bodies: The continuity between life and language. Cambridge, MA, 2018.

Evans V. The crucible of language: How language and mind create meaning. Cambridge, 2015.

Finch G. How to study linguistics: A guide to understanding language. 2nd ed. Basingstoke, 2003.

Foerster H. von. Notes on an epistemology for living things. BCL Report No. 9.3 (BCL Fiche No. 104/1). Urbana, 1972.

Fry D. Homo loquens: Man as a talking animal. Cambridge, 1977.

Gibson J. The ecological approach to visual perception. Boston, MA, 1979.

Givón T. The genesis of syntactic complexity: Diachrony, ontogeny, neuro-cognition, evolution. Amsterdam, Philadelphia John Benjamis, 2009.

Glasersfeld E. von. Radical constructivism: A way of knowing and learning. L., 1995.

Jennings R.E., Thompson J.J. The biological centrality of talk // A.V. Kravchenko (ed.). Cognitive dynamics in linguistic interactions. Newcastle upon Tyne, 2012. P. 33—63.

Kenny V. Constructivism — everybody has won and all must have prizes! // Transactional Analysis Journal. 1997. Vol. 27, № 2. P. 110—117.

Kravchenko A.V. Cognitive linguistics, biology of cognition, and biosemiotics: bridging the gaps // Language Sciences. 2006. Vol. 28, № 1. P. 51—75.

Kravchenko A.V. Essential properties of language, or, why language is not a code // Language Sciences. 2007. Vol. 29, № 5. P. 650—671.

Kravchenko A.V. Biology of cognition and linguistic analysis: From non-realist linguistics to a realistic language science. Frankfurt/Main etc., 2008.

Kravchenko A.V. Reassessing the project of linguistics // J. Zlatev, M. Andrén, M.J. Falck, C. Lundmark (eds.). Studies in language and cognition. Newcastle upon Tyne, 2009a. P. 27—42.

Kravchenko A.V. Language and mind: A bio-cognitive view // H. Götzsche (ed.). Memory, mind and language. Newcastle upon Tyne, 2009б. P. 103—24.

Kravchenko A.V. The experiential basis of speech and writing as different cognitive domains // Pragmatics & Cognition. 2009в. Vol. 17, no 3. P. 527—548.

Kravchenko A.V. How Humberto Maturana's biology of cognition can revive the language sciences // Constructivist Foundations. 2011. Vol. 6, № 3. P. 352—362.

Kravchenko A.V. Human autopoiesis? // Constructivist Foundations. 2014. Vol. 9, № 2. P. 177—179.

Kravchenko A.V. Language as human ecology: A new agenda for linguistic education // *New Ideas in Psychology*. 2016. № 42. P. 14—20.

Kravchenko A.V. On elephants in linguistics // M. En (ed.). Truths, trust and translation: A festschrift, love letter and thank you to Michèle Cooke. Frankfurt/Main, 2020. P. 11—16.

Kravchenko A.V. Approaching linguistic semiosis biologically: implications for human evolution // Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio. 2021. Vol. 15, № 2. P. 139—158.

Kravchenko A.V., Payunena M.V. Education: a value lost? // Dudziak A., Orzechowska J. (red.). Język i tekst w ujęciu strukturalnym i funkcjonalnym. Olsztyn, 2017. P. 239—246.

Kull K. Biosemiotics and biophysics: The fundamental approaches to the study of life // M. Barbieri (ed.). Introduction to biosemiotics. Dordrecht, 2007. P. 167—177.

Kuhn T. The structure of scientific revolutions. Chicago, 1962.

Love N. Are languages digital codes? // Language Sciences. 2007. Vol. 29, № 5. P. 690—709.

Maturana H.R. Biology of cognition. Biological Computer Laboratory (BCL) Research Report BCL 9.0. University of Illinois, Urbana IL, 1970.

Maturana H.R. Biology of language: The epistemology of reality // G. Miller, E. Lenneberg (eds.). Psychology and biology of language and thought: Essays in honor of Eric Lenneberg. N. Y., 1978. P. 27—63.

Maturana H.R. Comment by Humberto R. Maturana: The mind is not in the head // Journal of Social and Biological Structures. 1985. Vol. 8, № 4. P. 308—311.

Maturana H.R. The nature of the laws of nature // Systems Research and Behavioral Science. 2000. Vol. 17, № 5. P. 459—468.

Maturana H.R., Mpodozis J., Letelier J.C. Brain, language and the origin of human mental functions // Biological Research. 1995. Vol. 28, № 1. P. 15—26.

Menary R. Writing as thinking // Language Sciences. 2007. Vol. 29, № 5. P. 621—632.

Mitchell K. What are "the laws of biology"? // The Biologist. 2017. Vol. 64, № 6. P. 6.

Morris C.W. Foundations of the theory of signs // O. Neurath, R. Carnap, C.W. Morris (eds.). International encyclopedia of unified science. Vol. 1, part 2. Chicago, 1938. P. 1—59.

Nickerson R.S., Perkins D.N., Smith E.E. The teaching of thinking. Hillsdale, NJ, 1985.

Pepperberg I.M. Cognitive and communicative abilities of grey parrots // Current Directions in Psychological Science. 2002. Vol. 11, № 3. P. 83—87.

Pilley J.W., Hinzmann H. Chaser: Unlocking the genius of the dog who knows a thousand words. Boston, 2013.

Pinker S. The language instinct: How the mind creates language. N. Y., 1995.

Putnam H. Reason, truth and history. Cambridge, 1981.

Raimondi V. The bio-logic of languaging and its epistemological background // Language Sciences. 2019. Vol. 71. P. 19—26.

Ross D. H. sapiens as ecologically special: What does language contribute? // Language Sciences. 2007. Vol. 29, № 5. P. 710—731.

Saussure F. de. Cours de linguistique générale. P., 1916.

Savage-Rumbaugh S., Lewin R. Kanzi: the ape at the brink of the human mind. N. Y., 1994.

Schilhab T. Words as cultivators of other minds // Frontiers in Psychology. 2015. № 6. doi: 10.3389/fpsyg.2015.01690.

Sinha C. Language and other artifacts: socio-cultural dynamics of niche construction // Frontiers in Psychology. 2015. № 6. doi: 10.3389/fpsyg.2015.01601.

Soames S. The dawn of analysis. Princeton, 2003.

Stewart J., Gapenne O., Di Paolo E.A. (eds.). Enaction: Toward a new paradigm for cognitive science. Cambridge, MA, 2011.

Varela F.J., Thompson E., Rosch E. The embodied mind: Cognitive science and human experience. Cambridge, MA, 1991.

Об авторе

Александр Владимирович Кравченко, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия.

E-mail: KravchenkoAV@bgu.ru

ORCID: 0000-0001-6300-0540

Для цитирования:

Кравченко А.В. Язык и природа человечности (приглашение к дискуссии) // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. Т. 13, № 3. С. 7—24. doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-1.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) (HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/)

LANGUAGE AND THE NATURE OF HUMANNESS (INVITATION TO A DISCUSSION)

A. V. Kravchenko

Baikal State University, 11 Lenin St., Irkutsk, 664003, Russia

Submitted on November 10, 2021

doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-1

The article invites the reader to contemplate what impedes further development of language science which is currently in a state of stagnation. This crisis is caused by the inadequate methodology used in linguistic research. It defines the paradigm of so-called 'normal' science, which suppresses innovation. The dualistic philosophy of external realism continues to be the epistemological foundation of 'normal' linguistics, and neither mainstream cognitive science nor cognitive linguistics has been able to break away from it. The author argues that a new, constructivist epistemology is capable of overcoming the crisis and could give a new impetus to further development of language science. This calls for abandoning the traditional view of language as a tool used for the expression and transfer of thoughts. Instead, researchers should use a systems approach to linguistic semiosis as a biological adaptation, which is the organizational basis of humans as living systems at both individual and social levels. Linguistic semiosis is an evolutionary stage in the development of Homo sapiens. Establishing the functional role of linguistic semiosis in systemic cognition as a socially organized living system whose unity is ensured and sustained by its circular (self-referential) organization in the relational domain of language, calls for a radical revision of the extant views on the relationship between language and mind, language and cognition, and language and consciousness. An ecological approach to language assumes that the cognitive dynamics of humans as living systems consists in the adaptive interactional behaviour in the relational domain of linguistic interactions. This domain constitutes the ecological niche of humans as organism-environment systems. It is in this continuously self-constructed human niche that the uniquely human power to reasoning (intelligence) emerges and develops. Humanness rests in language as the creative beginning of the world in which we exist as organisms capable of speech.

Keywords: *dualism, realism, constructivism, linguistic semiosis, living system, cognition, ecological niche, intelligence*

References

Bunnell, P., 2020. Reflections on languaging. *Constructivist Foundations*, 15 (2), pp. 152—155.

Button, T., 2013. *The Limits of Realism*. Oxford.

Cariani, P., 2020. In defense of biosemiotics. *Constructivist Foundations*, 15 (2), pp. 155—158.

Cooke, M., 2016. The elephant in the room: Communication, chaos and the translation of truth. In: J. Richter, C. Zwischenberger, S. Kremmel and K.-H. Spitzl, eds. *(Neu-)Kompositionen. Aspekte transkultureller Wissenschaft.* Berlin, pp. 59—76.

Cowley, S.J. and Markoš, A., 2019. Evolution, lineages and human language. *Language Sciences*, 71, pp. 8—18.

Curtiss, S., 1977. *Genie: A psycholinguistic study of a modern-day "wild child"*. New York.

Di Paolo, E.A., Cuffari, E.C. and De Jaegher, H., 2018. *Linguistic Bodies: The continuity between life and language*. Cambridge, MA.

Evans, V., 2015. *The Crucible of Language: How language and mind create meaning*. Cambridge.

Finch, G., 2003. *How to Study Linguistics: A guide to understanding language*. 2nd ed. Basingstoke.

Foerster, H. von, 1972. *Notes on an epistemology for living things. BCL Report No. 9.3* (BCL Fiche No. 104/1). Biological Computer Laboratory, Department of Electrical Engineering, University of Illinois, Urbana.

Fry, D., 1977. *Homo loquens: Man as a talking animal*. Cambridge.

Gibson, J., 1979. *The Ecological Approach to Visual Perception*. Boston, MA.

Givón, T., 2009. *The Genesis of Syntactic Complexity: Diachrony, ontogeny, neurocognition, evolution*. Amsterdam; Philadelphia.

Glasersfeld, E. von, 1995. *Radical Constructivism: A way of knowing and learning*. London.

Glazkov, A.V., 2018. Mode of Reality: Definition, Taxonomy, Features. *Prepodavatel XXI vek* [The Teacher XXI century], 3—2, pp. 315—332 (in Russ.).

Jennings, R.E. and Thompson, J.J., 2012. The biological centrality of talk. In: A.V. Kravchenko, ed. *Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions*. Newcastle upon Tyne, pp. 33—63.

Kenny, V., 1997. Constructivism — everybody has won and all must have prizes! *Transactional Analysis Journal*, 27 (2), pp. 110—117.

Kibrik, A.E., 2005. *Konstanty i peremennye yazyka* [Constants and Variables in Language]. St. Petersburg (in Russ.).

Koshelev, A.D., 2013. Modern linguistic theory as the Tower of Babel (Can numerous antagonistic linguistic theories peacefully coexist). *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 72(6), pp. 3—22 (in Russ.).

Kravchenko, A.V. and Payunena, M.V., 2017. Education: a value lost? In: A. Dudziak and J. Orzechowska, ed. *Język i tekst w ujęciu strukturalnym i funkcjonalnym*. Olsztyn, pp. 239—246.

Kravchenko, A.V., 2001. Cognitive linguistics and the new epistemology (On the ideal project of linguistics) *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 60 (5), pp. 3—13 (in Russ.).

Kravchenko, A.V., 2006. Cognitive linguistics, biology of cognition and biosemiotics: Bridging the gaps. *Language Sciences*, 28 (1), pp. 51—75.

Kravchenko, A.V., 2007. Essential properties of language, or, why language is not a code. *Language Sciences*, 29 (5), pp. 650—671.

Kravchenko, A.V., 2007. The problem of method in cognitive science. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 4, pp. 28—35 (in Russ.).

Kravchenko, A.V., 2008. *Biology of Cognition and Linguistic Analysis: From non-realist linguistics to a realistic language science*. Frankfurt a/M; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien.

Kravchenko, A.V., 2009. On tradition, linguistics, and the cognitive approach. In: N.K. Riabtseva, ed. *Gorizonty sovremennoi lingvistiki: traditsii i novatorstvo* [The Horizons of Modern Linguistics: Tradition and innovation]. Moscow, pp. 51—65 (in Russ.).

Kravchenko, A.V., 2009a. Reassessing the project of linguistics. In: J. Zlatev, M. Andrén, M.J. Falck and C. Lundmark, eds. *Studies in Language and Cognition.* Newcastle upon Tyne, pp. 27—42.

Kravchenko, A.V., 2009b. Language and mind: A bio-cognitive view. In: H. Götzsche, ed. *Memory, Mind and Language.* Newcastle upon Tyne, pp. 103—124.

Kravchenko, A.V., 2009c. The experiential basis of speech and writing as different cognitive domains. *Pragmatics & Cognition*, 17 (3), pp. 527—548.

Kravchenko, A.V., 2011. How Humberto Maturana's Biology of Cognition Can Revive the Language Sciences. *Constructivist Foundations*, 6 (3), pp. 352—362.

Kravchenko, A.V., 2013a. On grounding the ideal project of linguistics: integrating language, semiotics, and biology. In: E.I. Pivovar, ed. *Gumanitarnye chteniya RGGU — 2012* [The RGGU readings in the humanities — 2012]. Moscow, pp. 285—294 (in Russ.).

Kravchenko, A.V., 2013b. The biological reality of language. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 1, pp. 55—63 (in Russ.).

Kravchenko, A.V., 2013c. *From the Language Myth to Biological Reality: Reassessing the epistemological assumptions of linguistics.* Moscow (in Russ.).

Kravchenko, A.V., 2014. Human autopoiesis? *Constructivist Foundations*, 9 (2), pp. 177—179.

Kravchenko, A.V., 2015a. External realism and biology of cognition: the epistemological turn. In: E.I. Pivovar, ed. *Gumanitarnye chteniya RGGU — 2014* [The RGGU readings in the humanities — 2014]. Moscow, pp. 697—709 (in Russ.).

Kravchenko, A.V., 2015b. On the subject matter of linguistics. In: *Language and thought: Contemporary cognitive linguistics.* Moscow, pp. 155—172 (in Russ.).

Kravchenko, A.V., 2016. Language as human ecology: A new agenda for linguistic education. *New Ideas in Psychology*, 42, pp. 14—20.

Kravchenko, A.V., 2016. The epistemological trap of language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 3 (41), pp. 14—26 (in Russ.).

Kravchenko, A.V., 2019. Language and human ecology: from Cartesian linguistics to ecolinguistics. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], 4 (1), pp. 20—31 (in Russ.).

Kravchenko, A.V., 2020b. On elephants in linguistics. In: M. En, ed. *Truths, Trust and Translation: A festschrift, love letter and thank you to Michèle Cooke*. Frankfurt a/M, pp. 11—16.

Kravchenko, A.V., 2021. Approaching linguistic semiosis biologically: implications for human evolution. *Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio,* 15 (2), pp. 139—158.

Kravchenko, A.V., 2021. *Otkryvaya yazyk zanovo. Ot nerealistichnoi lingvistiki k real'noi nauke o yazyke. Ot strukturalizma i kognitivizma k ekologicheskomu realizmu: no-*

vaya povestka dnya v yazykoznanii [Rediscovering Language: From non-realist linguistics to a realistic language science. From structuralism and cognitivism to ecological realism. (A new agenda in linguistics)]. Moscow (in Russ.).

Kravchenko, A.V., 2020a. Author's response: Codes, interpretation, meaning: Why language matters. *Constructivist Foundations*, 15 (2), pp. 159—163.

Kuhn, T., 1962. *The Structure of Scientific Revolutions.* Chicago.

Kull, K., 2007. Biosemiotics and biophysics: The fundamental approaches to the study of life. In: M. Barbieri, ed. *Introduction to Biosemiotics*. Dordrecht, pp. 167—177.

Love, N., 2007. Are languages digital codes? *Language Sciences*, 29 (5), pp. 690—709.

Maturana, H.R., 1970. Biology of cognition. *Biological Computer Laboratory (BCL) Research Report BCL 9.0.* University of Illinois, Urbana, IL.

Maturana, H.R., 1978. Biology of language: The epistemology of reality. In: G. Miller, and E. Lenneberg, eds. *Psychology and Biology of Language and Thought: Essays in honor of Eric Lenneberg*. New York, pp. 27—63.

Maturana, H.R., 1985. Comment by Humberto R. Maturana: The mind is not in the head. *Journal of Social and Biological Structures*, 8 (4), pp. 308—311.

Maturana, H.R., Mpodozis, J. and Letelier, J.C., 1995. Brain, language and the origin of human mental functions. *Biological Research*, 28 (1), pp. 15—26.

Maturana, H.R., 2000. The nature of the laws of nature. *Systems Research and Behavioral Science*, 17 (5), pp. 459—468.

Menary, R., 2007. Writing as thinking. *Language Sciences*, 29 (5), pp. 621—632.

Mitchell, K., 2017. What are "the laws of biology"? *The Biologist*, 64 (6), p. 6.

Morris, C.W., 1938. Foundations of the theory of signs. In: O. Neurath, R. Carnap and C.W. Morris, eds. *International Encyclopedia of Unified Science.* Vol. 1, Part 2. Chicago, pp. 1—59.

Nickerson, R.S., Perkins, D.N. and Smith, E.E., 1985. *The Teaching of Thinking*. Hillsdale, NJ.

Pepperberg, I.M., 2002. Cognitive and communicative abilities of grey parrots. *Current Directions in Psychological Science*, 11 (3), pp. 83—87.

Pilley, J.W. and Hinzmann, H., 2013. *Chaser: Unlocking the genius of the dog who knows a thousand words.* Boston.

Pinker, S., 1995. *The Language Instinct: How the mind creates language.* New York, NY.

Putnam, H., 1981. *Reason, Truth and History*. Cambridge.

Raimondi, V., 2019. The bio-logic of languaging and its epistemological background. *Language Sciences*, 71, pp. 19—26.

Ross, D., 2007. H. sapiens as ecologically special: What does language contribute? *Language Sciences*, 29 (5), pp. 710—731.

Saussure, F. de, 1916. *Cours de linguistique générale*. Paris.

Savage-Rumbaugh, S. and Lewin, R., 1994. *Kanzi: The ape at the brink of the human mind.* New York.

Schilhab, T., 2015. Words as cultivators of other minds. *Frontiers in Psychology*, 6. doi: 10.3389/fpsyg.2015.01690.

Sinha, C., 2015. Language and other artifacts: socio-cultural dynamics of niche construction. *Frontiers in Psychology*, 6. doi: 10.3389/fpsyg.2015.01601.

Soames, S., 2003. *The Dawn of Analysis.* Princeton, NJ.

Stewart, J., Gapenne, O. and Di Paolo, E.A., eds., 2011. *Enaction: Toward a new paradigm for cognitive science.* Cambridge, MA.

Varela, F.J., Thompson, E. and Rosch, E., 1991. *The Embodied Mind: Cognitive science and human experience.* Cambridge, MA.

Vernadsky, V.I., 1989. *Biosfera i noosfera* [Biosphere and Noosphere]. Moscow (in Russ.).

The author

Prof. Alexander V. Kravchenko, Chair of Theoretical and Applied Linguistics, Baikal State University, Russia.
E-mail: KravchenkoAV@bgu.ru
ORCID: 0000-0001-6300-0540

To cite this article:
Kravchenko, A.V., 2022, Language and the nature of humanness (Invitation to a discussion), *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 13, no. 3, p. 7—24. doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-1.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE (HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/)

УДК 81-13

КТО ТОТ, КТО ИСПОЛЬЗУЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК? (К статье А. В. Кравченко «ЯЗЫК И ПРИРОДА ЧЕЛОВЕЧНОСТИ»)

С. В. Чебанов[1]

[1] Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 191186, Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, 31
Поступила в редакцию 01.06.2022 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-2

Статья посвящена полемике с А. В. Кравченко по поводу его тезиса о том, что выход из затянувшего кризиса в лингвистике должен заключаться в приложении системного подхода к языковому семиозису как биологической адаптации. Однако автор полагает, что лингвистика находится не в состоянии кризиса, а в состоянии застоя, выход из которого предполагает не использование неадекватного поставленной задаче системного подхода, а интенсивный методологический поиск, неограниченно раздвигающий горизонты допустимых взглядов. При этом надо максимально полно учитывать маргинальные проявления языка для получения действительно универсальных результатов. Не обойтись в таком случае и без выяснения природы человека как того, кто пользуется языком, поскольку природа человека состоит в весьма сложных отношениях с биологией человека в его антропологическом понимании (находящейся в непроясненных отношениях с биологией Homo sapiens как объекта зоологии) как одном из его компонентов. В качестве примеров, претендующих на решение так поставленной задачи, рассматриваются доктрины разных эпох и направлений мысли — от Книги пророка Ездры через Фому Аквинского, Григория Паламу до Дж. Остина, Дж. Сёрля, Г. П. Щедровицкого и о. Георгия Кочеткова.

Ключевые слова: *язык, природа человека, биология человека, холизм, модусы реальности, методология лингвистики, синтез*

Обсуждаемая статья вполне адекватно представляет положение в современной лингвистике и в гуманитарных дисциплинах в целом (семиотике, коммуникологии, когнитологии, антропологии и т. д.). Присущие статье неясности и непроясненности типичны для современной гуманитарной и не только гуманитарной науки, и в этом отношении это не дефект статьи, а скорее ее достоинство, так как она оказывается хорошей иллюстрацией имеющегося положения дел. Продемонстрируем несколько примеров.

Так, на с. 13 речь идет об «экспериментах», на с. 14 и 15 «экспериенциально различных» и «экспериенциальных измерениях», на с. 12 и 16 об «опыте», но не поясняется, в каких отношениях находятся эксперимент, экспериенц и опыт. Концепция их соотнесения ясно и последовательно изложена Г. Галилеем в сочинении De Motu, написанном около 1590 года (Galilei, б. г.). Однако уже ко временам Фарадея это различение утрачивается, что требует введения на грани XIX и XX веков различения лабораторного эксперимента (опыта) и мысленного эксперимен-

© Чебанов С. В., 2022

та Э. Махом (Max, 2012), а позже и введения Дж. Лакоффом в когнитивную лингвистику представления об экспериенциальных моделях (Labov, 1978; Lakoff, 1986; Lakoff, Johnson, 1999). Каким-то образом оказывается приемлемым для автора-лингвиста и плеоназм «эволюционное развитие» (с. 16), определяемый крайне неудачным, контрэтимологичным использованием термина «эволюция» Г. Спенсером в 1852 году (Чайковский, 2008, с. 91) для обозначения появления новых видов путем накопления мелких изменений, в то время как эволюцией в этимологическом смысле скорее является то, что ныне называется онтогенезом, а в обсуждаемой статье речь идет о таких эволюционных событиях, как создание разговорного языка (с. 14), письма (с. 14), эволюция человека как наблюдателя (с. 11, 15), появление разумности (с. 11) и т. д. В статье немало и других подобных неувязок, впрочем, не очень важных для общей постановки проблемы. Сожаление вызывает и широко распространенная у гуманитариев игра (особенно неуместная в статье, призывающей учитывать биологическую организацию человека) во введение новых видов обезьян семейства Hominidae — Homo loquens, Homo cogitans. Однако К. Линней, выделивший вид Homo sapiens, в качестве типа Homo sapiens не указал ясно себя, так что его приходится признавать ныне в качестве лектотипа Homo sapiens (Гапон, 2012). Всякие же Homo ludens, Homo soveticus, Homo faber, Homo loquens, Homo cogitans и т. п., вводимые без представления диагноза, голотипа, указания автора, года описания, синонимики, без выяснения приоритета и т. д. с точки зрения Международного кодекса зоологической номенклатуры только плодят номенклатурный мусор.

Однако все это в конце концов не так уж важно в случае данной статьи, не являющейся ни обзором литературы, ни квалификационным сочинением, а только способом приглашения к дискуссии. Поэтому важнее сформулировать общее отношение к формулируемой автором концепции. Суть ее заключается в следующем.

Автор утверждает, что лингвистика находится в состоянии глубокого кризиса (с. 8). При этом «человек не хочет познать самого себя — точнее, он не в состоянии этого сделать до тех пор, пока не поймет свое место и роль в мире живого. Чтобы понять человека как живое существо, отличное от всех других известных животных, необходимо понять, что делают люди и почему они это делают как живые системы… являющиеся компонентами живых систем более высокого уровня организации — человеческих сообществ. Мы познаем себя лишь тогда, когда сможем объяснить, что такое язык и что он делает с нами и для нас как для социально организованного биологического вида — неотделимой части мира, в котором мы не только существуем, но который мы буквально созидаем силой нашего Логоса…» (с. 17). Для того чтобы понять смысл сказанного, надо отступить на один шаг и попробовать разобраться в основаниях сформулированных утверждений.

Начать надо с того, что такое «кризис». Термин «кризис» пришел из медицины, в которой он является антонимом «лизиса» и обозначает высший, поворотный период течения болезни, за которым следует ли-

бо начало выздоровления, либо смерть пациента, то есть это ситуация полной неопределенности, точка сингулярности с точки зрения теории катастроф. Для врачей это момент предельного напряжения своей профессиональной деятельности, когда они, не отходя от постели больного, могут неопределенно долго ни пить, ни есть, ни спать. Для больного это нередко тоже высшая точка страданий, боли, беспокойства, метаний, беспорядочной двигательной активности, переходящей в судороги, нарушения дыхания и т.д. Таким образом, в ситуации кризиса имеет место предельное напряжение и врачей, и пациента.

В философско-аскетическом смысле кризис — это поворот, пребывание на кресте, источник метанойи, перемены сознания (Духовный кризис, 2000).

Ни о каком кризисе ни в первом, ни во втором смысле в лингвистике последние столетия речи не идет (если не принимать во внимание последствия инициированной И. Сталиным дискуссии по вопросам языкознания или отчет ALPAC 1966 года о перспективах машинного перевода) — профессора в основном довольны жизнью, поток студентов неиссякаем, особо жарких дискуссий нет. Скорее, можно зафиксировать застой и безразличие, в условиях которых можно порассуждать о тех или иных незначительных расхождениях во мнениях на фоне не только непроясненности, но даже отсутствия постановки фундаментальных проблем и путаницы в основных понятиях. При этом можно сказать, что источником такой путаницы, в частности, является то, что в дискурсе современных филолого-лингвистических дисциплин сосуществуют как не идентифицируемые представления по крайне мере пяти совершенно разных по сути суперпарадигм, концепций языка и речи — герменевтики, филологии, лингвистики, семиотики и антропоцентрической версии понимания языка, на которую конкурирующим образом претендуют когнитивная лингвистика и прагмалингвистика (Чебанов, Мартыненко, 1990а, б; 2007). Фиксируя столь неприглядную ситуацию, имеем в виду следующее.

Если рассматривать становление человеческой культуры в целом, то можно выделить следующие его фазы.

Исходным состоянием является взаимодействие человеческого индивида с целостным, нерасчлененным образом реальности. Часть такого образа реальности составляет целостный образ человека, данного в непосредственном взаимодействии с другим человеком. Такое состояние квалифицируется в культурологии как состояние исходного синкретизма.

Далее в результате обогащения знаниями, разделения труда, специализации деятельности людей и т.д. начинается развитие дифференцированных представлений о человеке, возникают разные образы человека, он рассматривается в разных аспектах, становится предметом разных дисциплин. Так, человек может представать как механическое тело очень своеобразного многофазного агрегатного состояния, как разновидность высших обезьян с точки зрения биологии, как сверхсложный химический реактор, как член семьи и представитель опреде-

ленного этноса и т.д. Среди этих амплуа человека можно выделить разные описательные или аналитические, эмпирические и родовые (теоретические) сущности (объекты — Кордонский, 2001). В европейской традиции такой способ представления о человеке присутствует уже в выделении в нем тела и души, а то и духа, что явно зафиксировано уже у халдеев и ясно сформулировано у Сократа, Платона и Аристотеля.

К последней трети XX века явно (а неявно — еще ранее отдельными мыслителями) осознано, что такое умножение аналитических объектов, представляющих человека (да и любое другое образование в мире — кристалл, планету, звезду, живой организм, страну), лишь промежуточный шаг на пути постижения, за которым должен последовать синтез, что и порождает многочисленные и разнообразные призывы к разного рода системным, целостным, организмическим, органонным и прочим холистическим построениям (Чебанов, Мартыненко, 2004).

Таким образом, можно зафиксировать общую траекторию движения сознания: первичный синкретизм — вторичный аналитизм — итоговый синтез. Однако достичь чего-то плодотворного на этом пути весьма сложно. Так, в качестве итога попыток такого синтеза применительно к человеку обычно оказывается утверждение о том, что человек — это существо, обладающее физико-химической, биологической, психосоциальной и духовной природой и ничего более. Какие-либо нетривиальные выводы сделать из этого невозможно. Не отличаются от этого, по сути, и утверждения автора обсуждаемой работы о том, что «при *системном* подходе язык… предстает *биосоциокультурной* средой… определяющей развитие *человека*. Поскольку человек — *социальное существо*, *когнитивное* развитие *индивида* невозможно вне *общества* как *живой системы*… а единство этой *системы* поддерживается *языковыми взаимодействиями* между отдельными *особями* как *компонентами этой системы*… Образуя… область, в которой *индивиды* и *общество* развиваются как *когнитивные системы*, *языковые взаимодействия*… становятся той главной чертой, которая определяет *человека* говорящего как… особый *биологический вид*» (с. 14), «…*человеческое общество* представляет собой живую *систему* третьего порядка; эта система состоит из… особей как живых систем второго порядка, которые развиваются и существуют в когнитивной области *языка*…» (с. 14—15), «…для нас как *социально* организованного *биологического вида*…» (с. 17) и подобные им.

Примечательно, что в этих высказываниях А.В. Кравченко сочетаются сущности разных модусов реальности (выделены курсивом). Так, человек вроде бы в основном выступает как индивид и в этом качестве является описательной эмпирической единицей. Будучи трактуемым как социальное существо, он оказывается аналитической сущностью, причем рассматриваемой в теоретико-родовом аспекте. Этот же последний модус реальности относится и человеку как биологическому виду. С логико-методологической точки зрения (и такой анализ обсуждаемой статьи можно было бы продолжать неопределенно долго) это

несвязная мешанина категорий, относящихся к разным модусам реальности, однако никакой не синтез. При этом эти категории не просто перемежаются в тексте — между ними устанавливаются прямые, непосредственные отношения. Причина этого представляется вполне очевидной — А.В. Кравченко принимает и сохраняет все парадигмальные различения последних столетий — различение биологического и социального, представление о системности, различение филогенеза и онтогенеза, универсальность отношения «состоять из» и т.д., причем сохраняет, даже не предпринимая попытки их критического пересмотра.

Так на с. 14 А.В. Кравченко пишет: «эта система состоит из отдельных особей как живых систем второго порядка». Но система эта — категория аналитическая, а особь — описательная, причем в обсуждаемом контексте скорее эмпирическая, в то время как система — теоретическая. С этой точки зрения это бессмысленная фраза. Примечательно, что практически точно в этом же смысле вопрос очень доходчиво обсужден Ю.С. Степановым еще в 1975 году, когда он показывает, что морфема не состоит из фонем, слово не состоит из морфем, структурная схема словосочетания не состоит из слов, структурная схема предложения не состоит из структурных схем словосочетаний (Степанов, 1975, с. 219—220). Недопустимость использования отношения «состоять из» к ситуациям, когда целое и фрагмент относятся к разным модусам реальности или только к аналитическим объектам для объектов любой природы (физических, биологических, социальных и т.д.), подробно обоснована в указанной книге С.Г. Кордонского (Кордонский, 2001, гл. 3). Подобные невязки можно проследить и на примере ряда других категорий, используемых А.В. Кравченко.

Примечательно, что после знакомства с моей рецензией глубокоуважаемый Александр Владимирович пассаж о том, что «мы находимся в эпистемологической ловушке языка, и это обстоятельство ускользает от внимания реалистов, рассуждающих о мире в терминах “объективной реальности”», дополнил замечанием о том, что «и, соответственно, о “модусах реальности”, представленных в высказывании или тексте» (Глазков, 2018) (с. 11). Как само это заявление, так и цитируемая статья А.В. Глазкова радикально расходятся с сутью работ по полимодусной онтологии. Две важнейшие отечественные публикации в этой области последнего полустолетия принадлежат А.А. Любищеву (1971) и Ю.А. Шрейдеру (1984), причем обе они затрагивают и вопрос о языке (специально его не обсуждая). Статья Ю.А. Шрейдера при этом является маленьким фрагментом его многолетних исследований в этой области. Комментируя ее, Р.М. Фрумкина подчеркивает фундаментальное значение развиваемого подхода, который благодаря рассмотрению множества модусов реальности позволяет разорвать свойственное советской науке отождествление языка и мышления, поскольку они обладают разными модусами реальности (Фрумкина, 1999). Однако для самого Шрейдера представление о множественности модусов реальности было связано с его теологическими работами, получившими одобрение Св. папы Римского Иоанна Павла II (Шрейдер был терциарием ордена

доминиканцев, братьев-проповедников, к которому принадлежал Фома Аквинский, под чьим именем он и был крещен), в которых он развивал представления Аквината. Отношения мышления и языка для Фомы представляются путем переосмысления апофатического богословия Ареопагитик через аналогию как нечто среднее между эквивокальностью и унивокальностью. Поскольку для Аквината истина — это «соответствие интеллекта и вещи», а понятия (не слова!), образуемые человеческим интеллектом, истинны в той мере, в какой они соответствуют понятиям, предшествующим в интеллекте Бога, то вопрос об «эпистемологической ловушке языке» для него не очень важен. Так что самый яркий реалист — Фома Аквинский — в терминах «объективной реальности» не рассуждал и различал язык и мышление, концентрируя свое внимание на мышлении. Независимость мышления от языка более или менее очевидна и для лиц, переживших глубокие измененные состояния сознания или клиническую смерть (сознание при этом работает, но языком пользоваться невозможно — см. (Спивак, 2000); нужно отметить, что число людей, испытавших такое состояние, довольно велико, что хорошо известно врачам — хирургам и анастезиологам, но они предпочитают не обсуждать это даже со своими пациентами, которые приобрели такой опыт в их присутствии, что наделяет книгу Р. Моуди экстраординарным значением (Моуди, 2020)).

Тем не менее главный вопрос относится к другому — как может быть осуществлен итоговый синтез так, чтобы быть действительным синтезом, а не просто перечнем аналитически выделенных компонентов? Автор настоящего текста не имеет ответа на этот вопрос. Однако можно привести несколько попыток ответа на него и сформулировать некоторые требования к условиям ответа, а также возможные шаги в направлении его получения.

Во-первых (по близости к тому, что имеет место в современной науке — гуманитарной и естественной), можно выявить какие-то универсальные сущности и обнаружить, что постигаемая реалия является некой особой конфигурацией этих сущностей.

Так, если имеется различение тела, души и духа, то можно говорить о человеке как об определенной их конфигурации. В Третьей книге пророка Ездры (3 Ез., 16: 62—63) человек рассматривается более сложно — как единство тела и сердца, а сердце понимается как соединение дыхания Бога с духом, душой (жизнью) и разумом (умом).

Не менее интересен образ человека и его места в мире у Григория Паламы. Так, в «Физических главах…» (Григорий Палама, 2006) говорится о том, что ангелы обладают только «жизнью по сущности»; они разумны, духовны, бессмертны, нетленны. Животные же имеют только «жизнь в действии», оживотворяющую их «земляное тело»; они неразумны, недуховны, смертны и тленны. У людей же есть как «жизнь по сущности», так и «жизнь в действии»; их душа разумна, духовна, бессмертна, нетленна, однако тело их смертно и тленно. Таким образом, исключительность человека заключается в том, что только он обладает и «жизнью по сущности», и «жизнью в действии», что позволяет ему

осуществлять уникальные действия в мире. Однако при этом он смертен и тленен, что придает его жизни особый драматизм и еще больше увеличивает его выделенность в мире.

В комплексном подходе (Сопиков, 2002; Чебанов, 1986) каждая сущность выступает как уникальная конфигурация шести универсальных картин описания — субстратной, структурной, функциональной, энергетической, программной и ценностно-целевой. Человек в этом случае выступает как существо, субстратами которого оказываются физические элементарные частицы и поля, химические молекулы (включая макромолекулы), биологические и психические поля (вопрос о фундаментальности или производности которых сейчас не обсуждается) и т.д., энергетика которого соединяет физическую энергию в разных формах (механической, электродинамической, квантово-механической), химическую (энергия химического сродства, биомолекул-макроэргов), психическую (в понимании Фрейда и его последователей, язык как выражение энергии народа в трактовке В. Гумбольдта и энергию заблуждения Л.Н. Толстого), духовную ангельского чина Сил и т.д. При этом оказывается возможным проследить взаимодействие разных компонентов человеческой сущности в их единстве.

Следующим шагом такого синтеза является представление о человеке как о живой иконе Бога (Кочетков, 2020). Если такой образ человека рассматривать в кругу христианских представлений (как бы к ним не относиться, но просто соглашаться на реконструкцию внутреннего устройства этого образа), то оказывается, что он в высшей степени синтетичен. Дело в том, что Христос как воплощение Бога-сына выступает как Бог-Слово, а христианское миропонимание при этом является раскрытием природы Слова. Человек же как икона Бога — это тоже своего рода слово, несомненный семиотический объект. Более того, это слово — человек — еще и говорит словами. Поэтому вполне понятно, что христианское миропонимание позволило узнать очень многое о слове и языке. Это понимание и выражено в Священной герменевтике (Hermeneutica Sacra), представления которой, однако, не очень приемлемы для лингвистики Нового времени. Тем не менее в последние десятилетия многие идеи Hermeneutica Sacra, которые были когда-то категорически отвергнуты наукой, получили признание в современной функциональной лингвистике (Чебанов, Мартыненко, 1990а, б; 2007). Это наиболее наглядно представлено на примере того, как язык из средства описания мира, принимаемого в таком качестве в лингвистике XVIII — первых трех четвертей XX века, превратился благодаря концепции перформативов Дж. Остина и Дж. Сёрля в средство творения новой действительности, в качестве которого он выступал в Hermeneutica Sacra, а человек оказывает сотворцом этого мира (Chebanov, 1994).

Очевидно, что при осуществлении подобного синтеза лингвистам придется не только обогащать свои представления, но и отказываться от уже имеющихся.

Так, например, лингвистам (и прежде всего отечественным, испытавшим влияние И.А. Бодуэна де Куртенэ) придется расстаться с представлением об устной речи как об основной форме реализации языка, поскольку это положение вызывает несколько возражений.

Во-первых, оно игнорирует сам факт существования внутренней речи, не говоря о том, что объем материала, порождаемого внутренней речью, явно превышает объем речи внешней. При этом лингвисты практически полностью «передали» изучение внутренней речи психологам. Примечательно и то, что внутренняя речь сопровождает человека круглые сутки, так как она присутствует и во сне. Таким образом, объем речевой деятельности одного человека увеличивается примерно на 8 часов, то есть в полтора раза количественно и качественно заметно больше, чем изучается лингвистами, скажем, в рамках проекта «Один речевой день» (ОРД) (Богданова-Беглорян и др., 2019), поскольку охватывает такие своеобразные состояния, как засыпание и пробуждение, которые явно относятся к измененным состояниям сознания (Синеокова, 2008; Спивак, 2000).

Во-вторых, ныне появилась такая форма речи, как речь эсэмэс, интернет-чатов (Подгорная, Демиденко, 2014) и других сходных типов речи — они обладают чертами как письменной, так и устной речи. При этом и они имеют свой прообраз — тексты, представленные бегущей строкой.

В-третьих, во многом недооценивается значение письменной (печатной) речи. Так, современного ребенка в более или менее благополучных семьях со второй половины первого года жизни окружают не только книги и игрушки с буквами и цифрами, но и множество надписей в интерьере или на улицах поселения, так что письменная речь осваивается почти одновременно с устной. При этом надо учитывать, что виды рукописной, печатной, машинописной, а ныне порождаемой с помощью клавиатуры или стилуса письменной речи довольно контрастно различаются психолингвистическими характеристиками, временем порождения, возможностями (само)исправления и т.д., так что очень проблематично установить, это вообще одна или несколько разных форм существования языка. В ряду таких форм речи может занять подобающее место и узелковое письмо индейцев кипу.

В-четвертых, даже значительная часть устной речи представлена не спонтанной или подготовленной речью, а воспроизведением с помощью тех или иных технических средств (магнитофонов, плееров, радио, телевидения) записанной речи, неизбежно (за счет возможностей перезаписи и окончательного монтажа из наиболее удачных фрагментов каждой записи) отличающейся акустическими характеристиками, синтаксисом, интонациями и т.д. от «живой» речи.

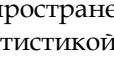
В-пятых, на далекой периферии интересов лингвистов находится вокальная речь, которая приходит к ребенку с материнской колыбельной. Видимо, с ней можно соотнести и свист гуанчей.

Существует довольно широкий круг явлений, который, хотя и известен лингвистам, не включается ими в представление о природе языка. Так, трудно говорить об универсальном представлении о языке, если не принимать во внимание детскую и младенческую речь. Тем не менее далеко не каждый лингвист способен отличить гуление от лепета, не

говоря об обладании хотя какой-то осведомленностью о внутриутробном речевом поведении человеческого плода, в результате чего у него еще в пренатальный период закладываются основы распознавания фонем языка, на котором говорит мать ((Moon, 2017); аналогичные исследования ведутся и в Санкт-Петербургском научно-исследовательском институте уха, горла, носа и речи Минздрава РФ).

Нетривиальный материал дает и лингводидактика, в частности находящаяся на грани с коррекционной педагогикой (сурдопедагогикой, тифлопедагогикой, олигофренопедагогикой и логопедией). Так, выясняется, что для коррекции тяжелых видов дисграфий оказывается эффективным формирование целостного образа буквы-звука, поддерживаемого координацией моторики мышц речевого аппарата, руки, глаз и мышц, обеспечивающих оптимальное для бинаурального восприятия звука положение головы (Романова, 2019). Целостный образ звукобуквы фигурирует и в фоносемантических исследованиях А.П. Журавлёва (Журавлёв, 1991).

Ряд речевых явлений допустим с точки зрения существующих в лингвистике представлений о языке, но эти концепции не дают объяснения неожиданно высокой частоте их распространения и, порой, исключительной сложности реализации. Начать можно с эпизодического появления в спонтанной речи эвфонии и силлабо-тонической версификации, а продолжить переразложениями, бустрофедонами или палиндромами. При этом можно говорить о разных видах палиндромии (амбиграмы, семилапы), палиндромии языковых единиц (слов, самым длинным из которых считается финское saippuakivikauppias — продавец парфюмерии) и палиндромии текстов (так, самый длинный палиндром на русском языке «Фантастический сон на берегу реки за минуту до пробуждения» В. Гончарова содержит 5638 слов, передаваемых 20836 буквами), что не поддается оценке с теоретико-вероятностной точки зрения (при том что проводятся соревнования палиндромистов, то есть речь идет о довольно распространенном явлении, которое, казалось бы, должно описываться статистикой).

К палиндромам примыкают и листовертни Д. Авалиани, простейшим примером которых является  , дающий после поворота на 180° . Л.В. Зубова показывает, что они органически входят в структуру современной поэзии (Зубова, 2010, с. 83—88), причем как профессиональный лингвист она считает, что сама возможность появления листовертней заложена в системе языка (устное сообщение). Совершенно не осмыслена с лингвистической точки зрения полифоносеманика А.Г. Горнона, основанная на множественности способов произнесения одной последовательности звуков или прочтения одной и той же последовательности букв (см., напр., (Горнон, 2014)).

Примечательным является и то, что при обсуждении природы языка в поле зрения попадают почти исключительно семантика и синтактика, а о прагматике речь заходит лишь эпизодически (что и понятно, если принимать деление на внутреннюю и внешнюю лингвистику), хотя уже около ста лет (90—130 в зависимости от того, что брать за точ-

ку отсчета) осознано, что прагматика — неотъемлемая сторона языка. При этом, конечно, наименее разработанной проблемой выступают механизмы реализации перформативности. Рассмотрение же таких механизмов позволяет иначе взглянуть и на использование языка в межвидовых взаимодействиях. Тем не менее, такие явления, хорошо известные любителям собак, как движение спящей собаки, воспроизводящей ее движения в ответ на команду (что позволяет предположить наличие у собаки соответствующих сновидений), в число перформативных эффектов какого-то случайного высказывания прохожего на улице вообще не попадает.

С точки зрения автора настоящих строк, учет указанных и прочих подобных явлений служит основанием для того, чтобы утверждать, что проблемы предстоящего синтеза заключаются не только, а может быть, и не столько в том, чтобы принять, как настаивает А.В. Кравченко, ту или иную методологию или концепцию человека, сколько в том, чтобы учесть указанный фактический материал. При этом апелляцию к тому, что речь идет о редких, периферических явлениях, нельзя принять в качестве аргумента, что их можно не учитывать при разработке общей концепции («теории») языка. Для того чтобы прояснить этот тезис, придется обратиться к проблемам статистики и построения теории в других областях знания.

Начать можно с того, что лингвостатистические распределения — это негауссовы *H*-распределения, в силу чего, с одной стороны, ни одна выборка текстов не представляется характеристической для языка, а с другой — самыми важными для построения текста становятся уникальные компоненты (Арапов, Ефимова, Шрейдер, 1975; Кудрин, 2002; Маслов, Маслова, 2006), что исключает возможность игнорирования кажущихся редкими явлений. Более того, всегда найдется совокупность речевых произведений, в которых кажущееся редким (например, палиндромы или назывные предложения в спонтанной разговорной речи) окажется частым (например, на конкурсе палиндромистов или в собрании таксономических описаний) и наоборот (например, комментарии на палиндромы в собрании палиндромов (Антология…, 2000) или глаголы в традиционных таксономических описаниях).

Понятно, что такое положение дел создает серьезнейшие методические затруднения при изучении конкретного материала. Это можно проиллюстрировать на примере из ботаники, которая уже в 1930-е годы отличалась большей методологической строгостью и изощренностью, позволяющей находить простейшие технические решения. Речь идет об исследовании Н.П. Кренке изменчивости формы пластинки листьев вязов и хлопка (Кренке, 1933—35). Оказалось, что растения одного вида обладают всеми вариантами формы листа, присущими всем растениям (а также колониальным животным), однако некоторые из этих форм встречаются по одному (!) экземпляру на 2—3 миллиона. Суть этого феномена была выявлена С.В. Мейеном в связи с концепцией рефрена (повторяющегося полиморфического множества) (Мейен, 2007; Meyen, 1973), количественные характеристики которого соотносятся с негаус-

совыми *H*-распределениями (Мейен, Налимов, 1979; Налимов, Мейен, 2007). При этом именно такие сверхредкие варианты позволяют осуществлять исключительно важные для биологической типологии отождествления. Так, документально зафиксировано не более 40 случаев наличия хвоста у человека (Alashari, Torakawa, 1995), что тем не менее важно для понимания его анатомии и установления гомологий его органов с органами приматов и других млекопитающих.

Выхода из обнаруживавшегося положения пока имеется два — отказ от изучения генеральных совокупностей по репрезентативным выборкам (из-за их отсутствия (Шрейдер, Шаров, 1982)) с вынужденным переходом к изучению генеральных совокупностей целиком (что фантастически увеличивает трудоемкость осмысленных исследований — ср. работу Н.П. Кренке) или ставка на результаты, основанные на экспертных оценках, являющихся плодом личностного знания (Полани, 1985).

Второй выход для отечественной лингвистики был осуществлен еще Л.В. Щербой в концепции лингвистического эксперимента (Щерба, 1974), наименование которого, однако, с методологической точки зрения представляет собой недоразумение, так как речь идет именно об опыте в трактовке Галилея. По сути же это именно использование экспертных оценок в ситуации, когда становится ясно, что использование какого-либо метода невозможно. Таким образом, с методологической точки зрения это возвращение к докартезианской практике обращения со знанием с опорой вместо субъекта на личность исследователя, что означает радикальный пересмотр научной методологии. Совершенно корректно описывают такую ситуацию американские когнитивные лингвисты (Дж. Лакофф, У. Лабов), используя для этого адекватную (хотя редкую и весьма специфичную, известную до этого только по текстам Галилея) терминологию, связанную с противопоставлением экспериментального и экспериенциального. При этом сами авторы подчеркивают, что их подход является преодолением аристотелевской логики. Однако современные трактовки Аристотеля дают основание соотносить эту логику не столько с самим Аристотелем, сколько с его позднесхоластическим прочтением.

Учитывая сказанное, можно вернуться к задаче синтетического представления человека как того, кто вовлечен в речевую деятельность. Это важно в связи с поставленной А.В. Кравченко задачей порождения «по-настоящему научного понимания языка как отличительной черты биологического вида Homo sapiens» (с. 8).

Начать стоит с рассмотрения вопроса о соотнесении человека и Homo sapiens. У Г.П. Щедровицкого была рукопись, которой в итоге в архиве не оказалось, имеющая название «О функционировании человека в структуре вида Homo sapiens». Такое название отнюдь не случайно, поскольку человек — предмет изучения в антропологии, в то время как гоминидология — раздел зоологии.

Далее можно различить морфофункциональную и когнитивно-психическую организацию человека. Формирование первой из них

можно назвать гоминизацией, а второй — оразумливанием, сапиентизацией. Первый процесс охватывает становление организмов с билатеральной симметрией, прорыв вторичного рта, формирование строения хордовых, тетраподизацию и выход на сушу, развитие живорождения и млекопитания и т.д. Одним из центральных направлений изменений является процесс, обозначенный П. Тейяром де Шарденом, как цефализация (Тейяр де Шарден, 1987). Можно проследить, как этапы этого процесса прочерчивают путь от одноклеточных до высших обезьян.

Второй процесс значительно более сложный и принципиально фрагментарный. Так, у кубомедуз имеется не только сложная система ганглиев, но и важное для ловли добычи зрение, обеспечиваемое сложным диоптрическим аппаратом и присутствием нескольких светочувствительных пигментов, использование которых предполагает наличие сложных форм сенсорной психики, которая делает возможной и целенаправленную передачу сперматофоров. Сложные формы когнитивной активности свойственны по крайней мере двум группам первичноротых — головоногим моллюскам и общественным насекомым. Среди позвоночных в этом отношении выделяются птицы (врановые своим интеллектом, многие, прежде всего попугаи, способностью быть пересмешниками) и млекопитающие (дельфины, псовые, высшие обезьяны). Никакой линейной последовательности и учитываемых филогенетических связей в этом ряду нет.

Тем не менее оба этих ряда пересекаются в человеке. При этом в ряду животных, которые маркируют важные этапы сапиентизации, нет морфофункциональных структур, обеспечивающих речь человека (строение гортани, голосовых связок, мозга), причем это относится и к высшим обезьянам. Таким образом, язык и речь человека возникают на пересечении двух разнокачественных процессов. Охватив человека, процесс сапиентизации начинает распространяться на домашних, домовых и синантропных животных, которые пользуются достижениями человека и осваивают некоторые из них и с которыми может устанавливаться коммуникация посредством человеческого языка — иногда спонтанная, иногда целенаправленная (в случае дрессуры). Таким образом, человеческий язык используется не только представителями вида Homo sapiens.

С другой стороны, бывают ситуации, когда эти два ряда не пересекаются или пересекаются не полностью. Речь идет о психосоматических аномалиях, прежде всего тяжелых, например о слепоглухонемых. Опыт сурдотифлопедагогики показывает, что попытки реабилитации таких пациентов, начиная с приобщения к языку, безрезультатны — сначала у них надо сформировать схему тела и локомоцию, а потом можно развивать языковые компетенции. В этих случаях имеет место ситуация, когда сапиентизация реализуется при дефицитарной гоминизации. Для понимания природы языка и связи его с сознанием жизненные практики таких пациентов не менее важны, чем опыт переживших клиническую смерть.

Еще один поворот проблемы — соотношение биологии Homo sapiens, биологии человека, и биологии человека духовного. Человек в отличие от биологического вида Homo sapiens характеризуется ношением одежды, строительством жилья, использованием мебели и огня и т.д. (все эти признаки не входят в число таксономических, указывающих на зоологический вид Homo sapiens). Поэтому у человека имеются отличия в строении скелета, функционировании системы пищеварения, кровообращения, терморегуляции, потоотделения и т.д. Однако Homo sapiens в отличие от человека в эмпирическом мире не представлен, и его характеристики выступают предметом умозрения (Чебанов, 1996). Тем не менее можно утверждать, что результатом очеловечивания Homo sapiens является, например, все более увеличивающаяся продолжительность пострепродуктивного периода жизни человека и рост интенсивности его деятельности в этот период. Контрастно отличается и экологический статус человека с его нарастающей ролью вида-эдификатора (начиная с овладения огнем) на фоне характерного амплуа патиента Homo sapiens (Чебанов, 2013), причем у человека, вовлеченного в духовную жизнь, появляются дополнительные особенности биологии, в частности экологии (Чебанов, 2010).

Таким образом, соотношение Homo sapiens, человека и субъекта владением языком весьма нетривиально. Очевидно, что в настоящее время имеются наиболее полные данные для того, чтобы обсуждать вопрос об отношении человека и субъекта владением языком. Но для того чтобы его обсуждать, нужно синтетическое представление человека.

Это представление должны быть именно синтетическим, а не просто декларацией того, что человек — это существо, обладающее физико-химической, биологической, психосоциальной и духовной природой. На пути такого синтеза к представлению о говорящем, слушающем, пишущем и читающем человеке как живой иконе Бога может быть остановка в виде лингвистически образованного человека, сохраняющего целостность непосредственного восприятия.

Такие люди могут создать актерский образ (в театре или кино) человека как языковой личности (Богин, 1984). Множество таких образов в своих выступлениях-моноспектаклях воплотил И.Л. Андроников ((Андроников, 1980—81); надо учитывать, что в полной мере обсуждаемый синтетический образ языковых личностей представлен Андрониковым именно в его устных выступлениях с их пластикой, взглядами, интонациями). Другой пример — это образ языковой личности ребенка (причем развернутый во времени) матери-лингвиста (Рыко, 2018).

Таким образом, мы с благодарностью принимаем приглашение автора к дискуссии, но у нас есть основания не согласиться с ним в том, что лингвистика находится в состоянии кризиса, из которого можно выйти, опираясь на смену методологии, а зафиксировать, что постижение языка находится в состоянии застоя, стагнации, преодолеть которое можно, охватывая все (в том числе и кажущиеся редкими и экзотическими) виды речевой деятельности и радикально пересматривая основные принципы методологии не только Нового времени, но и всей

аристотелевской (и шире — сократовской) традиции. Однако заслуга автора обсуждаемой статьи состоит в том, что он призывает к обсуждению вопросов, которые обычно предпочитают оставлять в тени.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00383, проект «Междисциплинарные методологические основания расширенного эволюционного синтеза в науках о жизни и обществе», выполняемый в ИНИОН РАН.

Список литературы

Андроников И.Л. Собрание сочинений : в 3 т. М., 1980—1981.

Антология русского палиндрома XX века / сост. В. Рыбинский ; под ред. Д. Минского. М., 2000.

Арапов М.В., Ефимова Е.Н., Шрейдер Ю.А. О смысле ранговых распределений // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1975. № 1. С. 9—20.

Богданова-Бегларян Н.В., Блинова О.В., Мартыненко Г.Я., Шерстинова Т.Ю. Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день» (ОРД): текущее состояние и перспективы // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / гл. ред. А.М. Молдован ; отв. ред. выпуска В.А. Плунгян. М., 2019. С. 101—110.

Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов : дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984.

Гапон А.Г. «Типичный» человек с позиции зоологической номенклатуры // Человек. 2012. № 4. С. 100—114.

Глазков А.В. Модус реальности: определение, таксономия, признаки // Преподаватель XXI век. 2018. № 3-2. С. 315—332.

Горнон А. 25-й кадр, или Стихи не о том (полифоносемантика). СПб., 2014.

Григорий Палама. 150 глав / пер. с греч. и примеч. А.И. Сидорова. Краснодар, 2006.

Духовный кризис: Когда преобразование личности становится кризисом / под ред. Станислава и Кристины Гроф. М., 2000.

Журавлев А.П. Звук и смысл. М., 1991.

Зубова Л.В. Языки современной поэзии. М., 2010.

Кордонский С.Г. Циклы деятельности и идеальные объекты. М., 2001.

Кочетков Георгий, свящ. Тайны и таинства человека и Церкви: Опыт современной мистагогии второй ступени : в 3 ч. Ч. 2: Новая христианская (православная) антропология: Об устроении и спасении человека и человечества. Основы христианской аскетики и мистики. М., 2020.

Кренке Н.П. Феногенетическая изменчивость. М., 1933—1935. Т. 1.

Кудрин Б.И. Математика ценозов: видовое, ранговидовое, ранговое по параметру гиперболические *H*-распределения и законы Лотки, Ципфа, Парето, Мандельброта // Философские основания технетики. Математический аппарат структурного описания ценозов и гиперболические *H*-ограничения / Ценологические исследования. Вып. 19. М., 2002. С. 357—412.

Любищев А.А. О критериях реальности в таксономии // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. Вып. 1. М., 1971. С. 67—81.

Маслов В.П., Маслова Т.В. О законе Ципфа и ранговых распределениях в лингвистике и семиотике // Матем. заметки. 2006. Т. 80, вып. 5. С. 718—732.

Мах Э. Механика. Историко-критический очерк ее развития. М., 2012.

Мейен С.В. Морфология растений в номотетическом аспекте // In memoriam. С.В. Мейен: палеоботаник, эволюционист, мыслитель. М., 2007. С. 162—222.

Мейен С. В., Налимов В. В. Вероятностный мир и вероятностный язык // Химия и жизнь. 1979. № 6. С. 22—27.

Моуди Р. Жизнь после жизни: Исследование феномена продолжения жизни после смерти тела. М., 2020.

Налимов В. В., Мейен С. В. Вероятностный мир — выход в другую культуру? (Возможно ли второе Средиземноморье в европейской культуре?) // In memoriam. С. В. Мейен: палеоботаник, эволюционист, мыслитель. М., 2007. С. 87—100.

Пик А., Хешт А. Клиническая семиотика с обращением особого внимания на угрожающие симптомы и их лечение. СПб., 1910.

Подгорная Е. А., Демиденко К. А. Лингвистические характеристики интернет-чатов как вида коммуникации // Концепт. 2014. № 9 (сентябрь). URL: http://e-kon-cept.ru/2014/14254.htm (дата обращения: 13.12.2021).

Полани М. Личностное знание: на пути к посткритической философии. М., 1985.

Романова Н. Занятия по коррекции дисграфии младших школьников. Б. м., 2019.

Рыко А. И. Детство Хомы: Дневник научных наблюдений. СПб., 2018.

Синеокова Т. Н. Лингвистика измененных состояний сознания : учеб. пособие. Н. Новгород, 2008.

Сопиков А. П. Междисциплинарность как тип комплексности // Проблемы и перспективы междисциплинарных фундаментальных исследований. СПб., 2002. С. 78—79.

Спивак Д. Л. Измененные состояния сознания: психология и лингвистика. СПб., 2000.

Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975.

Тейяр де Шарден П. Феномен человека / пер. с фр. Н. А. Садовского. М., 1987.

Фрумкина Р. М. Вечнозеленое дерево теории [памяти Ю. А. Шрейдера] // Человек. 1999. № 4. С. 145—158.

Чайковский Ю. В. Активный связный мир. Опыт теории эволюции жизни. М., 2008.

Чебанов С. В. Комплексность в биостратиграфии // Системный подход в геологии (Теоретические и прикладные аспекты). Ч. 1. М., 1986. С. 84—86.

Чебанов С. В. Спекулятивная биология человека // Спекулятивная биология человека : тез. докл. Школы по теоретической биологии (Молодежное, 1—5 февраля 1993 г.). Vilnius, 1996. С. 4—5.

Чебанов С. В. Блюдо как культурно-нормативный способ потребления пищи: роль ритуала и экологические последствия // Страницы: богословие, культура, образование. 2010. № 14(3). С. 421—448.

Чебанов С. В. Экология человека или экология Homo sapiens? // Наука. Философия. Религия : сб. матер. XV конф. «Наука. Философия. Религия». Проблемы экологии и кризис ценностей современной техногенной цивилизации (Дубна, 25—26 октября 2012 г.). М., 2013. С. 265—294.

Чебанов С. В., Мартыненко Г. Я. Основные типы представлений о природе языка // Acta et commentationes universitatis tartuensis. Вып. 911. Tartu, 1990a. С. 112—136.

Чебанов С. В., Мартыненко Г. Я. Идеи герменевтики в прикладной лингвистике // Acta et commentationes universitatis tartuensis. Вып. 912. Tartu, 1990б. С. 92—111.

Чебанов С. В., Мартыненко Г. Я. Синергетика и холистические образы языка // С. В. Чебанов Петербург. Россия. Социум : собр. соч. Vilnius, 2004. Т. 3. С. 650—656.

Чебанов С. В., Мартыненко Г. Я. О герменевтизации прикладной лингвистики // Вестник Тверского ГУ. Сер.: Филология. Вып. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. № 11(207). С. 273—291.

Шрейдер Ю. А., Шаров А. А. Системы и модели. М., 1982.

Шрейдер Ю. А. Многоуровневость и системность реальности, изучаемой наукой // Системность и эволюция. М., 1984. С. 69—82.

Щерба Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24—39.

Alashari M., Torakawa J. True tail in a newborn // Pediatr. Dermatol. 1995. №12 (3). P. 263—266.

Chebanov S. V. Man as participant to natural creation. Enlogue and ideas of hermeneutics in biology // Biology Forum. 1994. №87 (1). P. 39—48.

Galilei G. De Motu Antiquiora. Berlin, no date. URL: http://echo.mpiwg-berlin.mpg.de/MPIWG:NXG5M3KD (дата обращения: 13.12.2021).

Labov W. Denotational structure // Papers from the Parasession on the Lexicon. Chicago, 1978. P. 220—260.

Lakoff G. Classifiers as a Reflection of Mind: The Experiential, Imaginative, and Ecological Aspects // Noun Classes and Categorization. Amsterdam, 1986. P. 13—52.

Lakoff G., Joohnson M. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought. N. Y., 1999.

Meyen S. V. Plant morphology in its nomothetical aspects // Botanical Review. 1973. №39(3). P. 205—260.

Moon C. Prenatal experience with the maternal voice // Early vocal contact and preterm infant brain development / Filippa M., Kuhn P., Westrup B. (eds.). Cham, Switzerland, 2017. P. 25—37.

Об авторе

Сергей Викторович Чебанов, доктор филологических наук, профессор, кафедра математической лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: s.chebanov@gmail.com, s. chebanov@spbu.ru

Для цитирования:

Чебанов С. В. Кто тот, кто использует человеческий язык? (К статье А. В. Кравченко «Язык и природа человечности)» // Слово. ру: балтийский акцент. 2022. Т. 13, №3. С. 25—44. doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-2.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) (HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/)

WHO IS THE ONE WHO USES THE HUMAN LANGUAGE?
To the discussion with on by Alexander Kravchenko's the article "Language and nature of humanity"

S. V. Chebanov

St. Petersburg State University
31 Moika, St. Petersburg, 191186, Russia
Submitted on June 01, 2022
doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-2

The article is devoted to the polemic with Alexander Kravchenko regarding his thesis that the way out of the protracted crisis in linguistics is to use a systemic approach to linguistic semiosis as biological adaptation. The author argues that linguistics is not in a state of crisis

but rather in a state of stagnation. Overcoming it presupposes an intensive methodological search that infinitely expands the horizons of permissible views rather than the use of a system approach that is inadequate to the task. At the same time, it is necessary to take into account the marginal manifestations of language as fully as possible to obtain truly universal results, which is impossible without clarifying the nature of man as the user of language. Human nature is in a very complex relationship with human biology in its anthropological understanding and the biology of Homo sapiens as an object of zoology as one of its components. The doctrines of different epochs and schools of thought, from the Book of the Prophet Ezra through Thomas Aquinas, from Palamas to Austin, from Searle to Shchedrovitsky and Father Georgy Kochetkov, are examples of works claiming to solve this problem.

Keywords: *language, human nature, human biology, holism, modes of reality, methodology of linguistics, synthesis*

References

Alashari, M. and Torakawa, J., 1995. True tail in a newborn. *Pediatr. Dermatol*, 12(3), pp. 263—266.

Andronikov, I.L., 1980—1981. *Sobranie sochinenii v 3-kh tomakh* [Collected works in 3 volumes]. Moscow (in Russ.).

Arapov, M.V., Efimova, E.N. and Shreider, Yu. A., 1975. On the meaning of rank distributions. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya* [Scientific and technical information], 2(1), pp. 9—20 (in Russ.).

Bogdanova-Beglarian, N.V., Blinova, O.V., Martynenko, G. Ya. and Sherstinova, T. Yu., 2019. Russian everyday speech corpus "One day of speech": Current state and perspectives. *Trudy Instituta Russkogo Yazyka imeni V.V. Vinogradova* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute], 21, pp. 101—110 (in Russ.).

Bogin, G.I., 1984. *Model' yazykovoi lichnosti v ee otnoshenii k raznovidnostyam tekstov* [The model of a linguistic personality in its relation to the varieties of texts]. PhD thesis. Leningrad (in Russ.).

Chaikovskii, Yu. V., 2008. *Aktivnyi svyaznyi mir. Opyt teorii evolyutsii zhizni* [Active connected world. Experience of the theory of evolution of life]. Moscow (in Russ.).

Chebanov, S.V. and Martynenko, G. Ya., 1990a. The main types of ideas about the nature of language. *Acta et commentationes universitatis tartuensis*, 911. Tartu, pp. 112—136 (in Russ.).

Chebanov, S.V. and Martynenko, G. Ya., 1990b. Ideas of hermeneutics in applied linguistics. *Acta et commentationes universitatis tartuensis*, 912. Tartu, pp. 92—111 (in Russ.).

Chebanov, S.V. and Martynenko, G. Ya., 2004. Synergetics and holistic images of language. In: S.V. Chebanov, ed. *Peterburg. Rossiya. Sotsium* [Petersburg. Russia. Society]. Vilnius, pp. 650—656 (in Russ.).

Chebanov, S.V. and Martynenko, G. Ya., 2007. On the hermeneuticization of applied linguistics. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Vestnik TvGU Series: Philology], 11 (207), pp. 273—291 (in Russ.).

Chebanov, S.V., 1986. Complexity in biostratigraphy. In: *Sistemnyi podkhod v geologii (Teoreticheskie i prikladnye aspekty)* [System approach in geology (Theoretical and applied aspects)], part 1. Moscow, pp. 84—86 (in Russ.).

Chebanov, S.V., 1994. Man as participant to natural creation. Enlogue and ideas of hermeneutics in biology. *Biology Forum*, 87(1), pp. 39—48.

Chebanov, S.V., 1996. Speculative human biology. In: *Spekulyativnaya biologiya cheloveka: tez. dokl. Shkoly po teoreticheskoi biologii (Molodezhnoe, 1—5 fevralya 1993 g.)* [Speculative human biology. Abstracts of the School of Theoretical Biology]. Vilnius, pp. 4—5 (in Russ.).

Chebanov, S.V., 2010. Dish as a cultural and normative way of eating food: the role of ritual and environmental consequences. *Stranitsy: bogoslovie, kul'tura, obrazovanie* [Pages: theology, culture, education], 14 (3), pp. 421—448 (in Russ.).

Chebanov, S.V., 2013. Human ecology or ecology of Homo sapiens? In: *Nauka. Filosofiya. Religiya: sb. mater. XV konf. "Nauka. Filosofiya. Religiya". Problemy ekologii i krizis tsennostei sovremennoi tekhnogennoi tsivilizatsii (Dubna, 25—26 oktyabrya 2012 g.)* [Science. Philosophy. Religion. Collection of materials of the XV conference "Science. Philosophy. Religion". Problems of ecology and the crisis of values of modern technogenic civilization]. Moscow, pp. 265—294 (in Russ.).

Frumkina, R.M., 1999. The evergreen tree of theory [in memory of Yu. A. Schreider]. *Chelovek* [A Man], 4, pp. 145—158 (in Russ.).

Galilei, G., n.d. *De Motu Antiquiora.* Availiable at: http://echo.mpiwg-berlin.mpg.de/MPIWG:NXG5M3KD [Accessed 13 December 2021].

Gapon, A.G., 2012. A typical human being in the perspective of zoological nomenclature. *Chelovek* [A Man], 4, pp. 100—114 (in Russ.).

Glazkov, A.V., 2018. Mode of reality: definition, taxonomy, features. *Prepodavatel' XXI vek* [The Teacher XXI century], 3—2, pp. 315—332 (in Russ.).

Gornon, A., 2014. *25-i kadr, ili Stikhi ne o tom (polifonosemantika)* [25th frame, or Poems not about that (polyphonosemantics)]. St. Petersburg (in Russ.).

Grigoriy Palama. *150 glav* [150 chapters]. 2006. Translated and notes by A.I. Sidorov. Krasnodar (in Russ.).

Grof, S. and Grof, K., eds., 2000. *Dukhovnyi krizis: Kogda preobrazovanie lichnosti stanovitsya krizisom* [Spiritual Crisis: When Personal Transformation Becomes a Crisis]. Moscow (in Russ.).

Kochetkov, Georgiy, Fr., 2020. *Tainy i tainstva cheloveka i Tserkvi: Opyt sovremennoi mistagogii vtoroi stupeni: v 3 ch. Ch. 2: Novaya khristianskaya (pravoslavnaya) antropologiya: Ob ustroenii i spasenii cheloveka i chelovechestva. Osnovy khristianskoi asketiki i mistiki* [Secrets and sacraments of man and the Church: Experience of modern mystagogue of the second stage: in 3 parts. Part 2: New Christian (Orthodox) anthropology: On the dispensation and salvation of man and mankind. Fundamentals of Christian asceticism and mysticism]. Moscow (in Russ.).

Kordonskii, S.G., 2001. *Tsikly deyatel'nosti i ideal'nye ob"ekty* [Cycles of activity and ideal objects]. Moscow (in Russ.).

Krenke, N.P., 1933—1935. *Fenogeneticheskaya izmenchivost'* [Phenogenetic variability]. Vol. 1. Moscow (in Russ.).

Kudrin, B.I., 2002. Mathematics of cenoses: specific, rank-specific, rank-by-parameter hyperbolic H-distributions and the laws of Lotka, Zipf, Pareto, Mandelbrot. *Filosofskie osnovaniya tekhnetiki. Matematicheskii apparat strukturnogo opisaniya tsenozov i giperbolicheskie N-ogranicheniya. Tsenologicheskie issledovaniya* [Philosophical Foundations of Technology. Mathematical apparatus of the structural description of cenoses and hyperbolic H-limits. Tsenological research], 19, pp. 357—412 (in Russ.).

Labov, W., 1978. *Denotational structure. Papers from the Parasession on the Lexicon.* Chicago, pp. 220—260.

Lakoff, G. and Joohnson, M., 1999. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought.* New York.

Lakoff, G., 1986. Classifiers as a Reflection of Mind: The Experiential, Imaginative, and Ecological Aspects. In: *Noun Classes and Categorization.* Amsterdam, pp. 13—52.

Lyubishchev, A.A., 1971. On the Criteria of Reality in Taxonomy. In: *Informatsionnye voprosy semiotiki, lingvistiki i avtomaticheskogo perevoda* [Informational Issues of Semiotics, Linguistics and Automatic Translation], 1, pp. 67—81 (in Russ.).

Makh, E., 2012. *Mekhanika. Istoriko-kriticheskii ocherk ee razvitiya* [Mechanics. Historical-critical sketch of its development]. Moscow (in Russ.).

Maslov, V.P. and Maslova, T.V., 2006. On Zipf's law and rank distributions in linguistics and semiotics. *Mathematical Notes*, 80 (5), pp. 718—732 (in Russ.).

Meyen, S.V. and Nalimov, V.V., 1979. Probabilistic world and probabilistic language. *Khimiya i zhizn'* [Chemistry and life], 6, pp. 22—27 (in Russ.).

Meyen, S.V., 1973. Plant morphology in its nomothetical aspects. *Botanical Review*, 39 (3), pp. 205—260.

Meyen, S.V., 2007. Morphology of plants in the nomothetic aspect. In: *In memoriam. S.V. Meyen: paleobotanik, evolyutsionist, myslitel'* [In memoriam. S.V. Meyen: paleobotanist, evolutionist, thinker]. Moscow, pp. 162—222 (in Russ.).

Moon, C., 2017. Prenatal experience with the maternal voice. In: M. Filippa, P. Kuhn and B. Westrup, eds. *Early vocal contact and preterm infant brain development.* Cham, Switzerland, pp. 25—37.

Moudi, R., 2020. *Zhizn' posle zhizni: Issledovanie fenomena prodolzheniya zhizni posle smerti tela* [Life after life: The investigation of a phenomenon survival of bodily death]. Moscow (in Russ.).

Nalimov, B.V. and Meyen, S.V., 2007. Probabilistic world — an exit to another culture? (Is a second Mediterranean possible in European culture?). In: *In memoriam. S.V. Meyen: paleobotanik, evolyutsionist, myslitel'* [In memoriam. S.V. Meyen: paleobotanist, evolutionist, thinker]. Moscow, pp. 87—100 (in Russ.).

Pik, A. and Khesht, A., 1910. *Klinicheskaya semiotika s obrashcheniem osobogo vnimaniya na ugrozhayushchie simptomy i ikh lechenie* [Clinical semiotics with a focus on threatening symptoms and their treatment]. St. Petersburg (in Russ.).

Podgornaya, E.A. and Demidenko, K.A., 2014. Linguistic characteristics of Internet chats as a type of communication. *Koncept* [Concept], 9(September), pp. 136—140. Avaliable at: http://e-kon-cept.ru/2014/14254.htm [Accessed 13 December 2021] (in Russ.).

Polani, M., 1985. *Lichnostnoe znanie: na puti k postkriticheskoi filosofii* [Personal knowledge: on the way to post-critical philosophy]. Moscow (in Russ.).

Romanova, N., 2019. *Zanyatiya po korrektsii disgrafii mladshikh shkol'nikov* [Classes for the correction of dysgraphia of younger schoolchildren]. No Place (in Russ.).

Rybinskii, V., comp., Minskii, D., ed., 2000. *Antologiya russkogo palindroma XX veka* [Anthology of the Russian palindrome of the twentieth century]. Moscow (in Russ.).

Ryko, A.I., 2018. *Detstvo Khomy: Dnevnik nauchnykh nablyudenii* [Khoma's Childhood: A Diary of Scientific Observations]. St. Petersburg (in Russ.).

Shcherba, L.V., 1974. About the triple aspect of linguistic phenomena and about the experiment in linguistics. In: *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad, pp. 24—39 (in Russ.).

Shreider, Yu. A. and Sharov, A.A., 1982. *Sistemy i modeli* [Systems and models]. Moscow (in Russ.).

Shreider, Yu. A., 1984. Multi-level and system nature of the reality studied by science. *Sistemnost' i evolyutsiya* [System and evolution]. Moscow, pp. 69—82 (in Russ.).

Sineokova, T.N., 2008. *Lingvistika izmenennykh sostoyanii soznaniya: ucheb. posobie* [Linguistics of Altered States of Consciousness: Textbook]. Nizhny Novgorod (in Russ.).

Sopikov, A.P., 2002. Interdisciplinarity as a type of complexity. In: *Problemy i perspektivy mezhdistsiplinarnykh fundamental'nykh issledovanii* [Problems and prospects of interdisciplinary fundamental research]. St. Petersburg, pp. 78—79 (in Russ.).

Spivak, D.L., 2000. *Izmenennye sostoyaniya soznaniya: psikhologiya i lingvistika* [Altered States of Consciousness: Psychology and Linguistics]. St. Petersburg (in Russ.).

Stepanov, Yu. S., 1975. *Osnovy obshchego yazykoznaniya* [Fundamentals of general linguistics]. Moscow (in Russ.).

Teilhard de Chardin, P., 1987. *Fenomen cheloveka* [Le Phénomène humain]. Translated by N.A. Sadovsky. Moscow (in Russ.).

Zhuravlev, A.P., 1991. *Zvuk i smysl* [Sound and meaning]. Moscow (in Russ.).

Zubova, L.V., 2010. *Yazyki sovremennoi poezii* [Languages of modern poetry]. Moscow (in Russ.).

The author

Dr Sergey V. Chebanov, Professor, Saint Petersburg State University, Russia.
E-mail: s.chebanov@gmail.com, s.chebanov@spbu.ru

To cite this article:
Chebanov, S.V., 2022, Who is the one who uses the human language? On Alexsander Kravchenko's article «Language and the nature of humanity (Invitation to discussion)», *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 13, no. 3, p. 25—44. doi: 10.5922/2225-5346-2022-3-2.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE (HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/)